

Б. В. Безсоновъ.

Русскіе переселенцы въ Сѣверной Персіи.

Изданіе Переселенческаго Управленія
Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Б. В. Безсоновъ.

Русскіе переселенцы въ Сѣверной Персіи.

Изданіе Переселенческаго Управленія
Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Екатерининская типографія, Звенигородская ул., с. д., 30.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вершина „Кала-Герденъ“ въ Хоросанскихъ горахъ.

ГЛАВА I.

Астрабадская провинція.—Географическое положеніе ея.—Горы и рѣки.—Почвы.—Климатъ.—Растительность.—Лѣса.

Астрабадская провинція Персіи обнимаетъ собою пространство приблизительно въ 20.000 кв. верстъ, ограниченное: съ сѣвера рѣкою Атрекомъ, по которому проходитъ русская граница, съ юга Хоросанскими горами, съ востока—отрогами Гиндукуша, съ запада же она частью прилегаетъ къ юго-восточному углу Каспійскаго моря, частью незамѣтно, безъ рѣзкой границы, сливается съ сосѣднею провинціей Мазандераномъ. Въ составъ Астрабадской провинціи входятъ два ханства—Финдерискъ и Кятулъ, управляющіяся наслѣдственными ханами и 5 булюковъ: Дагате-маликъ, Астрабадъ-рустамъ, Седамъ-рустамъ, Анизанъ и Соваръ-Шахъ-Кухъ, управляющіеся наибами.

Провести аналогію между русскимъ административнымъ дѣленіемъ и персидскимъ очень трудно: съ одной стороны, провинція, съ отдѣльнымъ губернаторомъ въ городѣ, является какъ бы нашей губерніей и тогда, казалось бы, булюки надо приравнять къ уѣздамъ. Съ другой же, булюки и по пространству, главнымъ же образомъ по количеству селеній и населенія, ни къ чему болѣе приравнены быть не могутъ, какъ къ нашимъ волостямъ, да

и то небольшимъ. Административнымъ центромъ провинціи является городъ Астрабадъ, но приморское положеніе ея естественно создало и другой, торгово - промышленный центръ въ булюкѣ Анизанъ мѣстечко Бендеръ-Гезъ, которое является хотя и очень плохимъ, но все-таки портомъ Астрабадской и двухъ другихъ провинцій, лежащихъ за нею вглубь страны, Бастамской и части Симнанской. За последнее время пріобрѣтаетъ значеніе центра еще одинъ крупный туркменскій аулъ въ глубинѣ степи — Гумбетъ-Кобузъ. Въ этихъ трехъ мѣстахъ лѣнивая вообще жизнь Астрабада течетъ какъ будто нѣсколько быстрѣе, вѣроятно, благодаря присутствію въ нихъ людей другихъ національностей, пришедшихъ изъ странъ съ гораздо болѣе оживленной жизнью и еще сохранившихъ по инерціи природный ея темпъ, пока и ихъ не осилятъ персидская жара и лихорадки. Описываемый районъ, далеко не заключаетъ въ себѣ всей Астрабадской провинціи, но обнимаетъ почти все, что имѣетъ значеніе для русской ея колонизаціи.

Если говорить о тѣхъ мѣстахъ, которыя пригодны подъ заселеніе сейчасъ, безъ всякой подготовки, то районъ этотъ еще болѣе сузится и весь онъ долженъ быть заключенъ въ береговую приморскую полосу, шириною верстъ въ 6—8, и пространство между рѣкою Гюргеномъ и горами. По очень приблизительному расчету, вся площадь его будетъ не болѣе двухъ съ половиною тысячъ квадратныхъ верстъ, т. е. около 250.000 десятинъ; исключивъ же отсюда земли неудобныя, занятыя уже персидскими деревнями и туркменскими аулами, а также и русскими предпринимателями и переселенцами, количество десятинъ придется еще значительно уменьшить. Если же принимать во вниманіе и тѣ земли, которыя дадутъ возможность селиться послѣ устройства на нихъ орошенія, *если таковое окажется возможнымъ*, то граница пригодныхъ земель отодвинется значительно къ сѣверу, въ глубь безплодной нынѣ степи

между Гюргеномъ и Атрекомъ, въ нѣсколько разъ увеличивъ пригодную площадь.

Въ дальнѣйшемъ изложенiи будетъ вездѣ подразумѣваться только именно этотъ районъ, простирающiйся во всю длину степи и шириною отъ горъ до пространства между Атрекомъ и Гюргеномъ, нѣкоторую часть котораго онъ въ себѣ заключаетъ.

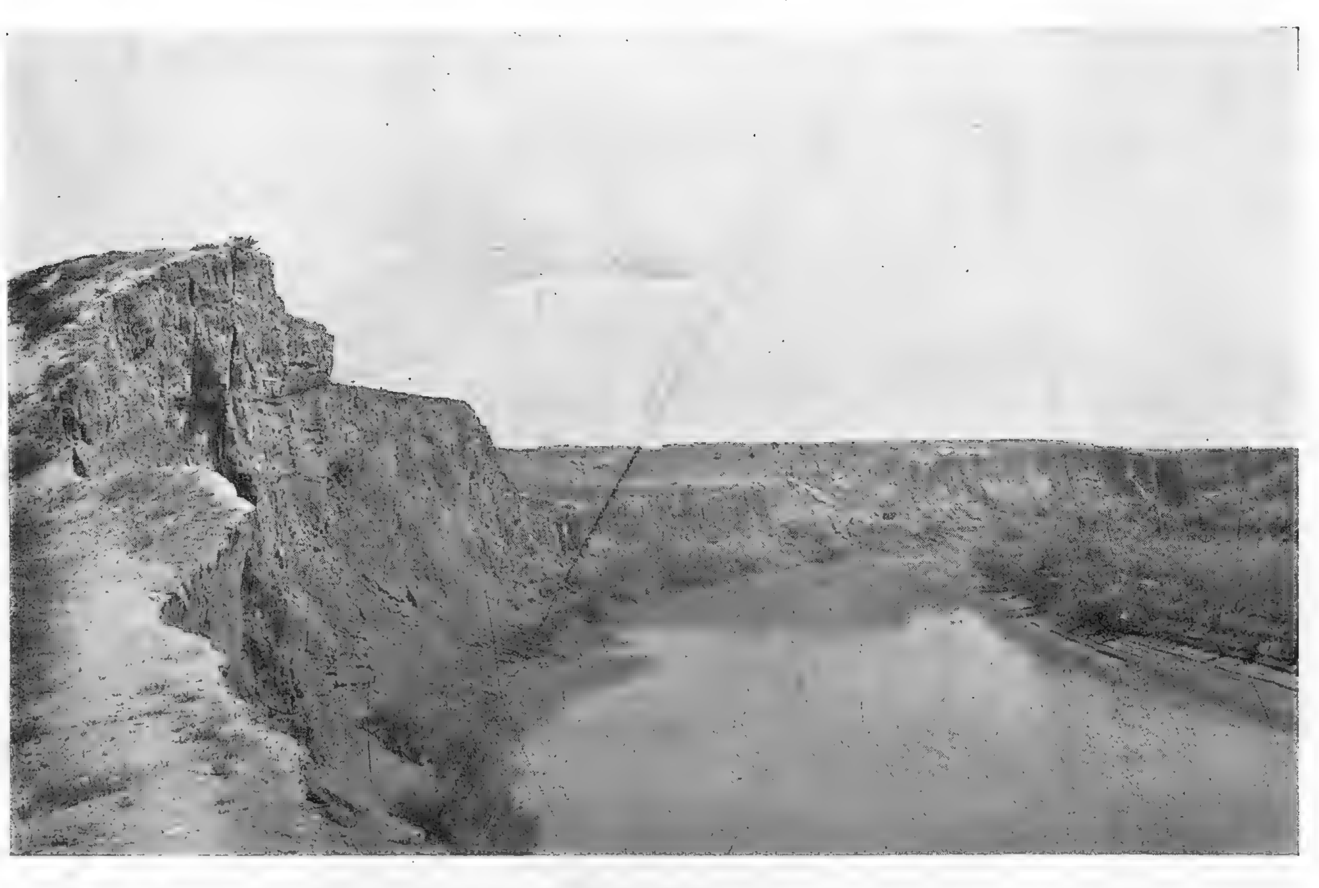
Вся эта мѣстность лежитъ подъ 37° сѣверной широты, то-есть на той же широтѣ, какъ южныя части Грецiи и Сицилiи, Тунисъ и югъ Испанiи. Чрезвычайно низкiй, въ большинствѣ заболоченный, морской берегъ ея, постепенно поднимаясь, переходитъ въ ровную, совершенно гладкую степь, простирающуюся до самыхъ предгорiй Хоросанскихъ хребтовъ, въ иныхъ мѣстахъ почти непосредственно переходящихъ въ степь, въ другихъ соединенныхъ съ нею довольно длинными покатостями и уклонами. Астрабадъ, напримѣръ, стоитъ именно на такомъ скатѣ отъ горъ къ степи и, хотя до главныхъ рхебтовъ здѣсь еще далеко, но открывающiйся отъ него по направленiю въ степь горизонтъ обнимаетъ собою огромное пространство, захватывая и море. Наоборотъ, горы около впаденiя въ Гюргенъ притока его Дааны, въ районѣ Гумбета, поднимаются непосредственно изъ степи и переходнаго пространства къ ней, въ смыслѣ рельефа мѣстности, почти не имѣютъ.

Хоросанскiя горы, выступая нѣсколькими параллельными хребтами, представляютъ собою частью восточный конецъ группы Эльбурса, частью же служатъ соединенiемъ между Эльбурсомъ и Гиндукушемъ, съ тектоническими складками которыхъ и совпадаютъ, въ общемъ, преобладающiя направленiя хребтовъ Хоросанскихъ горъ, съ запада на востокъ. Высота отдѣльныхъ вершинъ довольно значительная. Такъ, напримѣръ, гора Сурханъ, вблизи д. Доабъ на Шахрудской дорогѣ, около 3500 метровъ,

перевалъ Виджменоу, по той же дорогѣ, находится на высотѣ около 3000 метровъ, вершина Хошъ-Эйлакъ около 2800 метровъ. Тѣмъ не менѣе такихъ вершинъ, на которыхъ снѣгъ оставался бы круглый годъ, не говоря уже о глетчерахъ, въ Хоросанскихъ горахъ на протяженіи Астрабадской провинціи нѣтъ и уже въ концѣ мая исчезаютъ на нихъ и послѣдніе остатки зимнихъ снѣговъ. Рѣзкій контрастъ между гладкою и ровною поверхностью степи и обрамляющими ея горными хребтами дѣлаетъ высоту ихъ еще болѣе значительной. Сѣверный склонъ горъ сильно изрѣзанъ перпендикулярными къ направленію хребтовъ долинами и ущельями, прорѣзанными въ нихъ сбѣгающими въ степь ручьями, количество которыхъ особенно велико въ ближайшей къ морю части и по мѣрѣ удаленія отъ него къ востоку, постепенно понижается.

Долина въ Хоросанскихъ горахъ.

По степи протекаютъ двѣ относительно большихъ рѣки: Гюргенъ, длиною болѣе 150 верстъ, составляющійся изъ сліянія горныхъ рѣчекъ Или и Завъ, и Кара-су, длиною около 80 верстъ. Обѣ эти рѣки принимаютъ въ себя значительное количество притоковъ, въ особенности Кара-су, въ которую впадаютъ множество мелкихъ, стекающихъ съ

Рѣка Гюргенъ.

близкихъ отъ нея горъ, горныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Такія же рѣчки и ручьи сбѣгаютъ съ горъ и восточнѣе бассейна Кара-су, но здѣсь они сливаются въ нѣсколько довольно уже порядочныхъ рѣчекъ и несутъ черезъ степь свои воды до Гюргена, составляя его притоки. Такъ какъ направленіе обѣихъ этихъ рѣкъ, съ востока на западъ, параллельно съ направленіемъ горныхъ хребтовъ, съ которыхъ бѣгутъ воды, то совершенно естественно, что всѣ притоки, какъ Кара-су, такъ и Гюргена, впадаютъ въ нихъ только съ одного берега — въ данномъ случаѣ лѣваго, съ праваго же, степного, у Кара-су никакихъ притоковъ нѣтъ, у Гюргена имѣется только одинъ и то уже въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гюргенъ только что выходитъ на степной просторъ изъ горныхъ долинъ и ущелій, по которымъ онъ быстро проносится въ своемъ верхнемъ теченіи. Почти у самаго выхода изъ нихъ въ него впадаетъ горная рѣчка Сары-су.

Рѣка Ходжали-су.

Существующее соотношеніе между Хоросанскими горами и системами рѣкъ Гюргена и Кара-су чрезвычайно благопріятно; только благодаря ему нѣкоторая часть степи Астрабадской провинціи становится пригодной для земле-

дѣлія; не будь здѣсь горъ, Кара-су совсѣмъ бы не существовало, а Гюргенъ, какъ сейчасъ Атрекъ, протекалъ бы безплодной степью и земледѣліе было бы возможно только въ узкой его береговой полосѣ. Даже, если бы горы отстояли только дальше, и тогда бѣгущія съ нихъ рѣчки не успѣвали бы донести свои воды до Гюргена и между нимъ и орошаемой частью степи должна бы была образоваться полоса непригодной земли.

Рѣки Гюргенъ и Кара-су большія только относительно; значеніе ихъ велико, но нормальная величина очень не крупная. Весною ихъ можно назвать большими; Кара-су, текущая въ отлогихъ берегахъ, заливаетъ огромную полосу степи, Гюргенъ, текущій въ крутыхъ берегахъ, страшно поднимаетъ свою воду и быстро катитъ ее къ морю, сильно подмывая берега. Но лѣтомъ отъ величественной весною Кара-су остаются только кое-гдѣ стоячія лужи, большая же часть ея русла густо заростаетъ тростникомъ и совершенно высыхаетъ, а Гюргенъ становится медленно плывущей мутною рѣчкой саженъ 5—7 шириною и вершковъ 12 глубиною въ среднемъ теченіи, которую почти въ любомъ мѣстѣ можно перейти и во всякомъ можно переѣхать; конечно, не близъ моря, напримѣръ въ Хаджи-Нефесѣ, гдѣ онъ является и лѣтомъ рѣкою въ 16 саж. ширины и глубиною около сажени.

Это высыханіе рѣкъ лѣтомъ, а также существованіе и сейчасъ горныхъ рѣчекъ, не успѣвающихъ добѣжать до рѣкъ и пропадающихъ въ степи, заставляетъ особенно оцѣнить сложившееся здѣсь соотношеніе горъ и рѣкъ; какъ то, такъ и другое показываетъ, что здѣсь полезное дѣйствіе влаги напряжено до крайняго своего предѣла и малѣйшее измѣненіе установившагося соотношенія легко могло бы нарушить его благопріятное вліяніе. Это обстоятельство необходимо будетъ учитывать при всѣхъ вопросахъ о крупномъ искусственномъ орошеніи здѣшнихъ степей.

Долина въ Хоросанскихъ горахъ. На первомъ планѣ вышка, куда складывается сжатый хлѣбъ для защиты отъ кабановъ.

Почвы всего района довольно однообразны: въ степи, а отчасти и въ скатахъ къ ней отъ горъ, преобладающею почвою является лессъ въ самыхъ разнообразныхъ соединеніяхъ съ песками, глинами и т. п., но вездѣ съ значительной примѣсью извести. Повидимому, здѣшній лессъ является вторичнымъ, перемытымъ; это ясно замѣтно на

Слои лёсса на обрывахъ береговъ Гюргена.

обрывистыхъ берегахъ рѣчекъ, прорѣзавшихъ въ лессовой почвѣ глубокія долины и русла, и въ особенности на Гюргенѣ, на обрывистыхъ берегахъ котораго слоистость строенія здѣшняго лесса рельефно выступаетъ. Лессъ и самъ по себѣ почва плодородная, съ прибавленіемъ же къ нему гумуса, дѣлающаго его темнымъ, плодородіе значительно повышается. Такое повышеніе наблюдается по мѣрѣ приближенія къ горамъ; на правомъ берегу Гюргена почва

немного только коричневатая и на незначительную глубину, по направленію же къ горамъ она постепенно дѣлается все темнѣе, переходя въ каштановую, въ нѣкоторыхъ же близкихъ къ горамъ мѣстностяхъ дѣлается сильно темной и обращается почти въ черноземъ. У самыхъ горъ попадаются площади, покрытыя настоящимъ черноземомъ глубиною болѣе 4 вершковъ.

Въ степи нерѣдко встрѣчается соединеніе лесса въ различныхъ соотношеніяхъ съ пескомъ, переходящее иногда въ сплошныя песчаныя пространства; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ горы выдвинули свои отроги въ степь, лессъ во многихъ мѣстахъ является смѣшаннымъ съ глинами, также въ различныхъ соотношеніяхъ, начиная отъ едва замѣтной примѣси глины къ лессу и кончая едва уловимыми признаками лесса въ почти чистой глинѣ. Какъ и самый лессъ, такъ и пески степи и глины предгорій, всѣ заключаютъ въ себѣ известь.

Отступившее теперь до настоящихъ своихъ предѣловъ Каспійское море когда-то покрывало всю эту степь, поэтому совершенно естественно, что на ней во многихъ мѣстахъ встрѣчаются солончаки самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, количество которыхъ, очень значительное въ близкой къ морю полосѣ, постепенно убываетъ по мѣрѣ удаленія отъ него въ глубину степи. Этимъ же объясняется и соленость воды во многихъ колодцахъ, при чемъ она проникаетъ въ степь гораздо глубже, чѣмъ распространяются солончаки; подъ Гумбетомъ, гдѣ солончаковъ не приходится уже встрѣчать, соленая вода въ колодцахъ попадается очень не рѣдко.

Берега моря низки и вслѣдствіе этого на значительное пространство заболочены, чѣмъ вызывается здѣсь образованіе торфяныхъ почвъ; это можно наблюдать по всему побережью, въ особенности же по южному берегу моря, гдѣ къ нему близко подступаютъ горы, а даваемая

Лессовые берега горной рѣчки.

ими въ почву влага заболачиваетъ почву и способствуетъ особенно пышной растительности. По дорогѣ отъ Кара-су къ Бендеръ-Гезу почти все время идетъ кочковатое торфяное болото съ разнообразными видами камышей и болотныхъ травъ.

Въ горахъ встрѣчаются глины, песчаники, сланцы, разнаго рода известняки, конгломераты. Почвы долинъ, образовавшіяся изъ сносимыхъ съ горъ продуктовъ ихъ разложенія, отличаются плодородіемъ и даютъ возможность развиваться на нихъ богатѣйшей растительности.

Растительность въ горахъ.

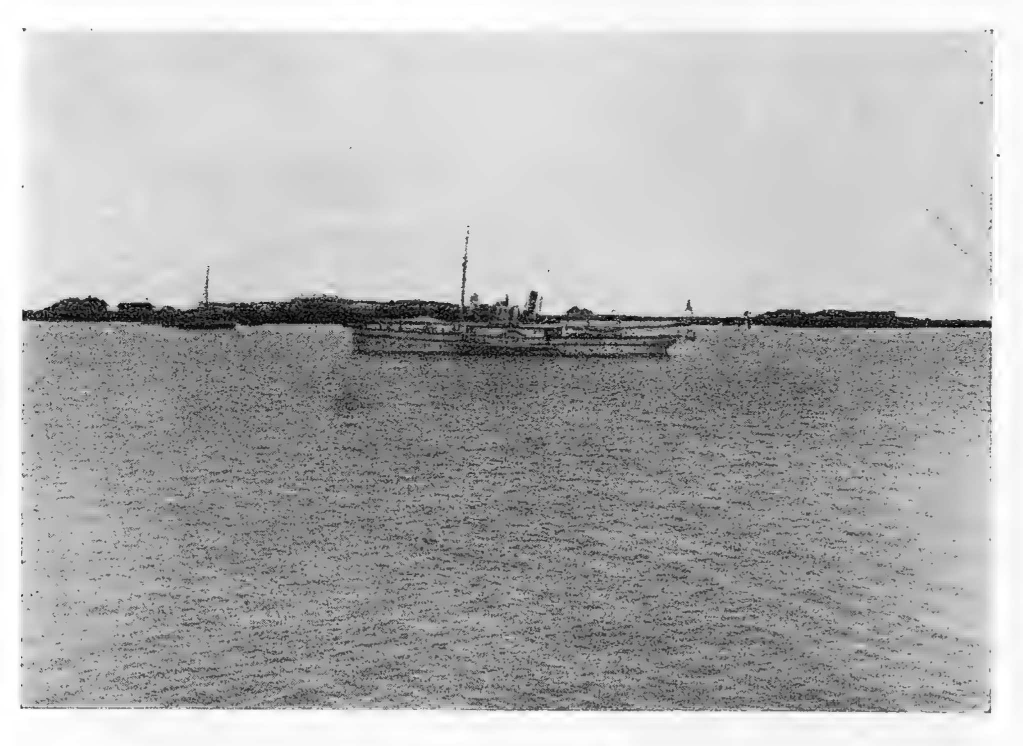
Климатъ Астрабадской провинціи чрезвычайно благопріятенъ для всего, кромѣ здоровья человѣка. Условія здѣсь сложились такимъ образомъ, что получилось соединеніе высокой температуры съ достаточною влажностью въ различныхъ соотношеніяхъ; Каспійское море, испаряя подъ горячими лучами солнца свою поверхность, даетъ въ атмосферу огромное количество влаги, которое насыщаетъ воздухъ на сравнительно далекое пространство. Надъ накаленною безводной степью воздухъ, конечно, становится суше и въ глубинѣ ея совершенно сухъ, безъ малѣйшей уже примѣси влажности, но у горъ и по ихъ склонамъ онъ чрезвычайно

сырой; въ особенности это чувствуется въ долинахъ, гдѣ при полномъ отсутствіи вѣтра накаленный солнцемъ влажный воздухъ дѣлаетъ ихъ какими-то естественными парниками. Воздухъ, благодаря присутствію въ немъ большого количества водяныхъ паровъ, чрезвычайно плотенъ и въ тѣ часы, когда солнце особенно усиливаетъ испареніе, становится настолько непрозрачнымъ, что даже изъ Астрабада бываетъ не видно горъ, находящихся отъ него на разстояніи всего какихъ-нибудь 8 верстъ. Въ иные дни онѣ настолько сильно затуманиваются, что, не зная объ ихъ существованіи, нельзя даже и подозрѣвать ихъ близкаго присутствія, что особенно поражаетъ при совершенно безоблачномъ небѣ.

Поднимаясь съ поверхности моря, насыщенный парами воздухъ подхватывается вѣтрами, дующими почти постоянно съ моря на сушу, и уносится ими къ горамъ, сѣверному склону которыхъ и отдаетъ всю остающуюся еще въ немъ влагу, на южный же склонъ ея уже не хватаетъ; поэтому получается рѣзкое различіе между сѣверными склонами горъ и южными. Въ то время, какъ первые роскошно покрыты густою растительностью, южные представляютъ собою голыя, мрачныя скалы, однообразной окраски, почти безъ признаковъ какой-либо жизни. По дорогѣ изъ Астрабада въ Шахрудъ, переваливающей горные хребты, рѣзкая граница пышной растительности съ безжизненной пустыней, непосредственно за переваломъ, производитъ особенно сильное впечатлѣніе.

Средняя температура Астрабадской провинціи очень высока. По отсутствію данныхъ, нельзя дать ея точныя цифры, но достаточно сказать, что въ продолженіе іюля 1914 года она почти неизмѣнно колебалась въ предѣлахъ 35—45° R. днемъ и была около 22° R. ночью, въ январѣ же средняя температура на островѣ Ашуръ-Адэ, нашей военной морской станціи, значится + 5,5° R. Зимы съ моро-

зами не бываетъ и вегетаціонный періодъ растеній можетъ продолжаться почти круглый годъ. Понятно, что тамъ, гдѣ условія высокой температуры и достаточной влажности соединяются съ плодородіемъ почвы, растительность достигаетъ крайнихъ предѣловъ своего развитія; лѣса, покрывающіе сѣверный склонъ хребта, поражаютъ своимъ

Острова Ашуръ-адэ.

роскошнымъ видомъ, а кустарники и вьющіяся растенія въ предгорьяхъ разростаются такъ буйно, что дѣлаютъ многія мѣста совершенно недоступными; нѣтъ никакой возможности проникнуть черезъ нихъ, въ особенности тамъ, гдѣ въ составъ этой гущины входятъ колючія растенія; малѣйшая примѣсь ихъ дѣлаетъ ее совершенно непроходимою въ обычномъ костюмѣ. Эти пышно разросшіяся, чрезвычайно картинныя заросли не даютъ нигдѣ возможности свернуть въ сторону съ узкой проложенной

по нимъ тропы, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ попадаются рѣдкіе, частью искусственно сдѣланные, проходы, которыми пользуются персы, чтобы пробраться на расположенныя на открытыхъ мѣстахъ, среди этихъ безконечныхъ кустарниковъ, свои посѣвы. Получается какой-то лабиринтъ изъ тропокъ, проходовъ и переходовъ, въ которомъ возможно

Заросли дикаго винограда.

и запутаться, а уже вернуться, приведя въ негодность нѣкоторыя части неприспособленнаго для такихъ походовъ костюма, почти полагается. Особенно буйнымъ развитіемъ выдается ежевика. Какъ говорятъ, даже были очень непріятные случаи съ нашими казаками, попадавшими въ мѣста, густо ею заросшія, кончавшіеся благополучно только благодаря тому, что такого забравшагося разыскивали товарищи и освобождали его, вырубая изъ крѣпко уцѣпив-

Заросли ежевики въ предгорьяхъ.

шихся за одежду вѣтвей, самому же освободиться изъ такого непріятнаго положенія нѣтъ никакой возможности.

Вдоль монотонно журчащихъ ручейковъ и бѣгущихъ по камешкамъ рѣчекъ въ предгорьяхъ ежевика разростается совершенно плотною зарослью, занавѣсью опускающеюся съ ихъ высокихъ, отвѣсныхъ береговъ. Дикій виноградъ,

Кустарниковыя заросли въ предгорьяхъ.

взбѣгающій къ верхушкамъ попадающихся отдѣльныхъ деревьевъ и свѣшивающійся оттуда причудливыми гирляндами, гранаты съ пунцовыми яркими цвѣтами, желтые цвѣты держи-дерева съ его красивыми, аккуратными вѣтвями и листочками и пышно разростающіеся внизу папоротники дѣлаютъ заросли эти необычайно красивыми.

По мѣрѣ приближенія къ самымъ горамъ такія заросли рѣдѣютъ и постепенно смѣняются уже настоящимъ

лѣсомъ; каменная подпочва и нетолстый слой плодородной земли на ней, а отчасти и царящая въ лѣсу темнота уже не способствуютъ развитію кустарниковъ и вьющихся растеній, изъ которыхъ одинъ только неприхотливый плющъ уживается въ сравнительно прохладной и сумеречной глубинѣ лѣсовъ и обвиваетъ тамъ покрытые мохомъ стволы деревьевъ. Поэтому лѣса въ большей части легко проходимы, кромѣ тѣхъ открытыхъ мѣстъ и береговъ горныхъ рѣчекъ, куда проникаетъ солнце и гдѣ на снесенной съ горъ плодородной почвѣ кустарники опять разростаются со всею своею роскошью и картинностью.

Лѣсъ въ предгорьяхъ.

Горные лѣса Астрабадской провинціи весьма разнообразны по породамъ составляющихъ ихъ деревьевъ: грабъ, дубъ, букъ, вязъ, ясень, кленъ, тополь, осина, желѣзное дерево, ольха, однимъ словомъ, представители почти всѣхъ дикихъ лиственныхъ породъ южнаго климата встрѣчаются въ нихъ. Хвойныхъ породъ нѣтъ вовсе даже и на значительной высотѣ, не видно ихъ въ бинокль и на самыхъ вершинахъ. Всѣ эти деревья производятъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе своимъ видомъ; могучіе дубы, нерѣдко въ 2 обхвата толщиною, обвитые почти до самой

Горный лѣсъ.

вершины темною листвою плюща, пышные грабы, раскидистые клены, вязы и ясени, съ ихъ горизонтально простирающимися вѣтвями и купами разрѣзныхъ листьевъ, производятъ впечатлѣніе богатства и обилія лѣсного матеріала. Но такое впечатлѣніе поверхностно, при ближайшемъ же ознакомленіи съ представителями Астрабадскихъ лѣсовъ, оно смѣняется только сожалѣніемъ. Дѣло въ томъ, что благопріятныя условія для развитія всякой жизни по склонамъ горъ и въ ближайшихъ къ нимъ мѣстностяхъ, совершенно одинаковы какъ для жизни растительности, такъ и для всякихъ насѣкомыхъ, ее истребляющихъ. Поэтому всѣ деревья, за рѣдкими лишь исключеніями, еще на корню настолько уже испорчены всякаго рода вредителями, что цѣнности почти никакой не представляютъ; къ этому слѣдуетъ присоединить еще удивительную искривленность стволовъ, дѣлающую большинство изъ нихъ совершенно негодными для построекъ. Такое же заключеніе о здѣшнихъ лѣсахъ вынесено спеціалистомъ-лѣсоводомъ, пріѣзжавшимъ лѣтомъ настоящаго года въ Астрабадъ изъ Риги съ цѣлью ознакомленія съ ними. Кромѣ того, подтвержденіемъ правильности этого впечатлѣнія служитъ и

Дубовый лѣсъ.

тотъ фактъ, что персидскій лѣсъ идетъ только на постройки туземцевъ и нашихъ переселенцевъ, такъ какъ онъ, уже на корню зараженный вредителями, продолжающими свою работу и впослѣдствіи, въ постройкахъ выстаиваетъ очень не долго, года $1^1/_2$—2, а затѣмъ дерево обращается въ труху и постройка разваливается. Если же желательно выстроиться капитально, то для этого выписывается сосновый лѣсъ изъ Астрахани, какъ это было сдѣлано, напримѣръ, военнымъ вѣдомствомъ для дома пограничнаго комиссара въ Гумбетѣ и дѣлается для всѣхъ построекъ на рыбныхъ промыслахъ Ліанозова. Этотъ здоровый лѣсъ остается цѣлымъ и на него не нападаютъ особые муравьи, не только способствующіе разрушенію построекъ, но уничтожающіе даже мебель въ домахъ.

Вопросъ о возможности разработки персидскихъ лѣсовъ имѣетъ важное значеніе для колонизаціи, тѣмъ болѣе, что нерѣдко приходится слышать о цѣлыхъ компаніяхъ, занимающихся ихъ разработкой, и о необычайной ея выгодности. На мѣстѣ же оказывается, что Астрабадскіе и Мазандеранскіе лѣса разрабатываются только туземцами на дрова и вырубаются для самыхъ примитивныхъ построекъ, а компаніи, какъ бы для разработки персидскихъ лѣсовъ, въ самой Персіи ничего не дѣлаютъ, а только спекулируютъ въ столицахъ, имѣя на персидскія свои владѣнія нерѣдко весьма сомнительные документы; тѣ же, кто брался за дѣйствительную эксплоатацію, терпѣли страшные убытки и бросали все дѣло.

По мѣрѣ удаленія отъ горъ въ степь лѣса постепенно переходятъ въ кустарники и мелкія поросли и наконецъ совершенно уступаютъ мѣсто степной растительности, богатой вблизи горъ и все бѣднѣющей по мѣрѣ удаленія отъ нихъ. Но кое-гдѣ горные лѣса далеко выбѣгаютъ въ степь, въ иныхъ мѣстахъ въ видѣ длинныхъ языковъ, совершенно съ ними сливающихся, въ другихъ—рощами и пе-

Покрытые лѣсомъ хребты Хоросанскихъ горъ.

релѣсками, отдѣленными отъ основного лѣса иногда значительнымъ безлѣснымъ пространствомъ. Здѣсь лѣса, лишенные значительной части влаги, дѣлающей ихъ столь роскошными на склонахъ горныхъ хребтовъ, уже не поражаютъ такъ своимъ разнообразіемъ; породы въ нихъ тѣ же, но преобладаетъ дубъ; на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отдѣльные его экземпляры одиноко высятся надъ густо разростающимися внизу кустарниками, форма его становится странною, совершенно необычною, и только подъѣхавъ можно убѣдиться, что это дубъ, а не другое какое-то, невиданное еще дерево. Качества этихъ отдѣльныхъ лѣсовъ не выше горныхъ и для постройки также трудно въ нихъ выбрать годное дерево.

ГЛАВА II.

Степь.—Растительность ея.—Возможность произрастанія тропическихъ видовъ.—Растенія сельскохозяйственныя.—Хлопокъ.—Орошеніе.

Необычайнаго богатства достигаетъ травяной покровъ степи въ полосѣ, близкой къ горамъ, своею густотой и особенно колоссальнымъ развитіемъ отдѣльныхъ экземпляровъ; обыкновенныя травы, какъ напримѣръ, рейграсъ, лисохвостъ, достигающія въ средней Россіи максимума высоты въ 1 аршинъ, встрѣчаются здѣсь высотою около сажени, а случайно попавшую какъ-то сюда рожь приходится видѣть ростомъ болѣе $2^1/_2$ аршинъ. Не менѣе поражаютъ своею высотой покрывающіе сплошь степь на громадныя пространства репейники разныхъ видовъ и густо разростающіеся по берегамъ рѣчекъ и на сырыхъ мѣстахъ колоссальные тростники, съ избыткомъ скрывающіе въ себѣ всадника, настоящія индійскія джунгли, какъ и тамъ, любимый пріютъ кабановъ и тигровъ. Особенно богата представителями болотной растительности полоса между горами и близкимъ берегомъ моря по дорогѣ отъ Кара-су къ Бендеръ-Гезу, густо заросшая въ низкихъ мѣстахъ разнаго вида камышами, хвощами, тростниками и т. п., а на возвышенныхъ—роскошными кустами тамариска. Вся эта роскошь и богатство по мѣрѣ удаленія отъ горъ и отъ бѣгущихъ съ нихъ рѣчекъ постепенно пропадаютъ и переходятъ мало-по-малу въ безкрасочный, сѣрый,

Финиковая пальма и бананъ въ саду консульства.

Бамбуки въ саду консульства.

низкій покровъ сухой, выжженной солнцемъ степи, съ торчащими на ней отдѣльными пучками какой-то низкорослой травы; этотъ переходъ совершается уже и на лѣвомъ берегу Гюргена, но все-таки разница между правымъ его берегомъ и лѣвымъ огромная. На послѣднемъ происходитъ еще борьба между роскошью растительности и изсушающею работою солнца, на правомъ же берегу этой борьбы уже нѣтъ; безводная степь подъ раскаленными лучами уже ничего почти не даетъ для развитія травъ, и онѣ, не успѣвъ еще хорошенько окрѣпнуть весной, когда имъ достается хоть немного влаги, быстро выгораютъ и потомъ степь праваго берега представляетъ самую безотрадную картину.

Кромѣ этой существующей растительности, конечно, большой интересъ представляетъ собою и все то, что можетъ произрастать въ Астрабадской провинціи. Тутъ, какъ кажется, возможность произрастанія всѣхъ тропическихъ видовъ растеній границъ не имѣетъ. Въ городѣ Астрабадѣ, въ саду консульства великолѣпно растутъ финиковыя пальмы, хамеропсы, бананы, дающіе цвѣты и плоды, мимозы, эвкалипты, бамбуки, магноліи и т. п., не говоря уже объ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьяхъ, померанцахъ, виноградѣ и другихъ сравнительно неприхотливыхъ видахъ. Всѣ эти растенія достигаютъ очень солидныхъ размѣровъ, какъ видно на прилагаемыхъ снимкахъ, но, конечно, всѣ они саженыя, самостоятельно же ни одного вида ихъ, кромѣ дикаго винограда, въ сѣверной Персіи не растетъ. Къ несчастію, въ Астрабадѣ нѣтъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, а также винограда, которыя пользовались бы надлежащимъ уходомъ; вѣроятно, тогда плоды ихъ были бы настоящими апельсинами и лимонами, а не апельсинчиками и лимончиками, шариками не болѣе 2-хъ дюймовъ въ діаметрѣ, какъ это есть сейчасъ. Въ сосѣдней же провинціи, или, вѣрнѣе сказать, въ главномъ ея городѣ—Шахрудѣ, расположенномъ у подножія хребта вглубь

страны, гдѣ садоводство развито болѣе, апельсины, лимоны и виноградъ получаются уже и величиной и качествомъ удовлетворительные.

Благодаря такимъ благопріятнымъ условіямъ, въ Персіи возможны культуры всякаго рода растеній, имѣющихъ значеніе для сельскаго хозяйства. Конечно, апельсины, лимоны и виноградъ имѣютъ значеніе для промышленности страны, но для промышленности сельскохозяйственной центръ тяжести долженъ лежать не въ нихъ, а въ тѣхъ растеніяхъ, разведеніе которыхъ легко доступно населенію и непосредственно даетъ ему возможность существованія. Такими растеніями здѣсь являются ячмень, пшеница, кунжутъ, рисъ. Первые два злака сѣются туземцами въ ноябрѣ или началѣ декабря на плохо раздѣланныхъ подъ посѣвъ поляхъ, въ апрѣлѣ-маѣ наступаетъ жатва, послѣ которой поля иногда утилизируются еще для посадки хлопка, въ большинствѣ же остаются стоять съ остатками жнитва до слѣдующаго посѣва. Хлѣбъ обмолачивается на мѣстѣ же посредствомъ гоняемыхъ по слою сжатыхъ сноповъ лошадей, отвѣивается и зерно въ чистомъ видѣ увозится на вьюкахъ домой, солома же складывается въ ометы. Говорить объ урожаяхъ при здѣшнихъ условіяхъ не приходится; они, конечно, богатые, но воспользоваться ими, кажется, удается далеко не всегда. Приходится повторить, что роскошная здѣшняя природа одинаково милостива и къ растительному и къ животному міру, поэтому— разростаются громадные камыши и въ нихъ бродятъ стада дикихъ свиней, пожирающихъ хлѣба и портящихъ поля, въ роскошныхъ травахъ степи родятся полчища саранчи, уничтожающей не только хлѣба, но и всякую растительность, и разводится масса мышей. Въ настоящемъ году, напримѣръ, русскіе поселенцы, сѣявшіе ячмень и пшеницу не по-персидски — въ декабрѣ мѣсяцѣ, а по-русски, весною — по здѣшнему въ февралѣ, не собрали ничего;

Травянистая степь вблизи горъ.

роскошные всходы обѣщали богатѣйшій урожай, но когда пришло время его собирать, мыши занялись этимъ дѣломъ ранѣе и всѣ хлѣба съѣли. Въ прошломъ году пришлось собрать очень мало, потому что на посѣвы нападала саранча. Отъ кабановъ поля можно защитить, борьба съ ними ведется успѣшно, когда для охраны ихъ становится спеціальная стража, что составляетъ особый промыселъ для приходящихъ сюда на этотъ заработокъ арабовъ-охотниковъ, бьющихъ кабановъ, чего избѣгаютъ персы, считающіе по закону свинью поганою. Отъ саранчи же и мышей защиты нѣтъ; практикующійся здѣсь способъ выжиганія степей именно съ цѣлью уничтоженія саранчи, мышей, а также отвратительныхъ фалангъ и змѣй, пользы приноситъ мало и всей этой прелести въ степяхъ поражающее множество. Какъ говорятъ, ранніе посѣвы, а, слѣдовательно, ранѣе и сжинаемые, болѣе гарантированы отъ истребленія саранчей и мышами, а также и отъ зарастанія сорными травами, на что всюду и постоянно приходится слышать жалобы на ряду съ жалобами на мышей и саранчу.

Уборка ячменя.

Рисъ сѣется раннею весной и собирается въ августѣ; урожаи его прекрасны и собирать ихъ не представляетъ

уже особыхъ затрудненій, такъ какъ напускаемая на рисовыя поля вода дѣлаетъ ихъ недоступными для большинства вредителей, отъ кабановъ же они охраняются особыми стражами, помѣщающимися на вышкахъ. Длинный вегетаціонный періодъ риса и потребность въ большомъ количествѣ воды во все время его продолженія создаютъ массу недоразумѣній между селеніями, расположенными вдоль рѣчекъ и арыковъ, доставляющихъ на рисовыя поля воду, доходящихъ иногда, какъ говорятъ, до тайнаго уничтоженія запрудъ, порчи полей и до открытыхъ столкновеній.

Наиболѣе важнымъ сельскохозяйственнымъ растеніемъ, имѣющимъ наибольшее значеніе для промышленности провинціи, является хлопокъ. Урожаи его при однихъ и тѣхъ же условіяхъ температуры сильно колеблются въ зависимости отъ условій влажности, и въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ хлопокъ, развивая множество цвѣта, достигаетъ почти роста человѣка, въ другихъ онъ представляетъ собою жалкіе, рѣдкіе кустики съ кое-гдѣ видными цвѣтками. Конечно, это относится къ хлопку не поливаемому, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ его поливаютъ, онъ вездѣ одинаково хорошъ.

Разрѣшеніе вопроса о возможности разведенія хлопка безъ полива, какъ имѣющаго важное значеніе для колонизаціи края, требуетъ особой внимательности. Въ результатѣ наблюденій получается убѣжденіе, что говорить о возможности безполивного разведенія хлопка, какъ о явленіи общемъ для сѣверной Персіи, никакъ нельзя. Дѣйствительно, встрѣчаются прекрасные хлопки безъ полива, но на ряду съ ними встрѣчаются и очень плохіе и, если разобрать хорошенько, на какихъ мѣстахъ растутъ хорошіе, всегда окажется, что мѣста эти имѣютъ особыя условія. Лучшій хлопокъ, бывшій въ 1914 году въ Армянскомъ товариществѣ, все-таки поливался, несмотря на то, что и мѣсто вблизи горъ съ ихъ покрытыми лѣсами склонами и

близъ болотъ, казалось бы было благопріятно для произрастанія его и безъ полива. Недалеко отсюда и въ такихъ же условіяхъ былъ очень хорошій хлопокъ у Бялоновича, какъ говорилъ хозяинъ, не поливной, но проведенные тутъ арыки и бѣгущая по нимъ въ изобиліи вода, говорили о томъ, что влага, если и не въ видѣ прямого полива, все-

Поливъ хлопковаго поля.

таки сыграла тутъ свою роль. Попадались порядочные не поливные хлопки и въ степи, но при ближайшемъ ознакомленіи оказывалось, что эти мѣста также находятся въ особомъ положеніи: близкіе камыши, какое нибудь пересохшее русло бѣжавшей весной рѣчки, показывали и тутъ на присутствіе влаги въ количествѣ большемъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; иногда эти мѣста оказывались заливаемыми весенними разливами. Особенно рѣзко наблюдалась

зависимость качества полей не поливного хлопка отъ условій мѣста въ русскомъ поселкѣ Саратовскомъ: хлопковое поле, расположенное ближе къ горамъ, совсѣмъ близко къ сбѣгающему съ нихъ въ степь лѣсу и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ иногда провертываются и болотные виды травъ, дало хорошій урожай. Расположенное же въ верстѣ дальше отъ горъ, по направленію къ степи представляло собою такой жалкій видъ, что его даже не собирались убирать. Персы всѣ свой хлопокъ поливаютъ, такъ какъ деревни ихъ, расположенныя близъ горъ или даже въ предгорьяхъ, всегда имѣютъ для этого достаточно воды, арыки же проведены вездѣ. Самый городъ Астрабадъ, расположенный уже на предгорьяхъ, весь ими изрѣзанъ, въ саду же консульства, гдѣ растительность особенно роскошна, это достигается тоже поливомъ. Безъ полива все можетъ расти исключительно въ горахъ, гдѣ наносимая съ моря влага естественно создаетъ допускающія это условія.

Отсюда можно заключить, что хлопокъ безъ полива можетъ расти далеко не вездѣ и не всегда; для того же чтобы быть гарантированнымъ въ его урожаѣ, необходимо орошеніе.

Урожаи хорошаго поливного хлопка доходятъ до 200 пудовъ съ десятины; особенно благопріятнымъ обстоятельствомъ для его произрастанія является здѣсь высокая температура осени и отсутствіе заморозковъ, благодаря чему все количество развиваемыхъ растеніемъ коробочекъ, которыхъ встрѣчается болѣе 200 на одномъ кустѣ, успѣваетъ дозрѣвать; это условіе дѣлаетъ Астрабадскую провинцію болѣе благопріятною для разведенія хлопка, чѣмъ Туркестанъ, гдѣ нерѣдко бываютъ случаи, когда развитыя послѣдними коробочки не успѣваютъ вызрѣть. Говорятъ, что въ иные годы, надо прибавить не частые, здѣсь бываетъ явленіе вторичнаго цвѣтенія хлопка и вторичнаго

развитія имъ коробочекъ, которыя при благопріятныхъ условіяхъ теплой зимы успѣваютъ также дать сборъ, но судить, насколько эти разсказы близки къ истинѣ, данныхъ не имѣется.

Хлопковая промышленность въ Астрабадской провинціи, несмотря на хорошіе его урожаи, стоитъ очень низко; причинъ для этого много: однѣ изъ нихъ не даютъ ей развиваться, какъ и вообще всякой мѣстной промышленности, другія же лежатъ въ самыхъ условіяхъ здѣшняго хлопководства. Первая изъ послѣднихъ, конечно, низкое качество мѣстнаго хлопка, происходящее отъ отсутствія сѣмянъ хорошихъ сортовъ, съ одной стороны, и отъ очень плохой очистки, если она производится, съ другой, но какъ то, такъ и другое не непоправимо, а когда качество поступающаго на рынокъ хлопка будетъ повышено, сама собою разовьется и конкурренція, отсутствіе которой въ настоящее время является второю причиною, понижающею мѣстную хлопковую промышленность. Если же къ этому придать еще орошеніе, которое дастъ возможность вмѣсто существующихъ въ настоящее время только кое-гдѣ хлопковыхъ посѣвовъ занять ими огромныя площади, то можно предвидѣть, что хлопковой промышленности Астрабадской провинціи придется играть крупную роль. При орошеніи станетъ пригодна подъ хлопокъ и та часть степи, въ которой при настоящихъ условіяхъ нельзя и думать его разводить и которая является сейчасъ совершенно негодной ни для какой культуры. Когда-то, несомнѣнно и на ней орошеніе существовало, доказательствомъ чему служатъ встрѣчающіеся всюду, даже и на правомъ, совершенно безплодномъ теперь, берегу Гюргена остатки древнихъ оросительныхъ сооруженій и, судя по нимъ, нужно думать, что сооруженія эти были грандіозны и орошали огромныя площади. Главное водохранилище находилось, повидимому, въ мѣстности Хаджи-Каушанъ, верстахъ въ 35 отъ Гумбета

вверхъ по теченію Гюргена; здѣсь онъ течетъ не въ обрывистыхъ, прямо отъ его русла поднимающихся высокихъ берегахъ, а по ровной, низкой плоскости очень значительныхъ размѣровъ, обрывы же его береговъ поднимаются по ея краямъ, образуя такимъ образомъ какъ бы самою природою созданный водоемъ. Этимъ обстоятельствомъ древніе персы воспользовались и въ наиболѣе узкомъ мѣстѣ перегородили эту впадину колоссальной плотиной, остатки которой видны и до сихъ поръ. Она была сложена изъ кирпича на цементѣ, благодаря чему и теперь еще стоятъ ея развалины, въ видѣ громадныхъ валовъ высотою саженъ въ 10, съ выглядывающею кое-гдѣ изъ нихъ кирпичною кладкою. Черезъ отроги этого водовмѣстилища, при существованіи плотины также наполнявшіеся водою, по правому берегу Гюргена шелъ главный разносившій воду по степи каналъ, остатки котораго, подъ названіемъ Кизилъ-Аланъ, и сейчасъ существуютъ, въ видѣ вала и рва, тянущагося отъ Хаджи-Каушана къ западу почти до самаго моря.

Кое-гдѣ замѣтны слѣды древнихъ арыковъ, пересѣкавшихъ Кизилъ-Аланъ или отходившихъ отъ него, при чемъ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ, напримѣръ, хорошо сохранившимся еще до сихъ поръ каналомъ Шорджа, вода перебрасывалась черезъ Гюргенъ на лѣвый его берегъ. Таковы слѣды этого древняго сооруженія, поражающаго своею грандіозностью: резервуаръ воды въ нѣсколько квадратныхъ верстъ площадью и до 10 саж. глубиною и отъ него несущая жизнь въ безплодную степь артерія, длиною болѣе 100 верстъ—и сдѣлано было это тѣмъ самымъ населеніемъ, которое въ настоящее время не въ состояніи не только соорудить что либо подобное, но даже не можетъ выстроить простого моста черезъ рѣчку.

Астрабадъ.

ГЛАВА III.

Г. Астрабадъ.-- Условія жизни въ немъ.—Малярія.—Гумбетъ-Кобузъ.—Дорога къ нему.—Бендеръ-Гезъ.—Положеніе русской торговли въ сѣверной Персіи.—Хлопковая и ковровая торговля.

Населеніе это въ настоящее время состоитъ изъ персовъ и туркменъ, да еще изъ небольшой части русскихъ переселенцевъ. Персидское населеніе въ Астрабадской провинціи почти все сосредоточено въ предгорьяхъ и горахъ и въ полосѣ непосредственно къ нимъ примыкающей, въ степи же персидскихъ деревень, кромѣ нѣсколькихъ, разбросанныхъ вокругъ Астрабада, совсѣмъ нѣтъ. Въ ней частью кочуютъ, частью осѣдло живутъ туркмены. Граница между этими двумя частями населенія довольно опредѣленна и какъ въ занятой персидскими деревнями территоріи нѣтъ туркменскихъ ауловъ, такъ и въ туркменской степи не встрѣчается персидскихъ деревень, хотя около Гумбета тѣ и другія находятся въ довольно близкомъ сосѣдствѣ. Центромъ всего персидскаго населенія является Астрабадъ, центромъ туркменскаго—Гумбетъ-Кобузъ; въ первомъ пребываетъ русскій консулъ, вѣдающій дѣлами персидскими, а въ Гумбетѣ русскій пограничный комиссаръ, управляющій дѣлами туркменскими. Граница районовъ того и другого, при которой въ районъ консула попадаютъ нѣсколько туркменскихъ ауловъ, даже такихъ крупныхъ, какъ Хаджи-Нефесъ, Гумюшъ-Тепе и

Омчалы, съ границею вліяній не совпадаетъ и тяготѣніе туркменъ и консульскаго района направлено всетаки къ Гумбету. Изъ-за этого обстоятельства между консуломъ и комиссаромъ даже были нѣкоторыя недоразумѣнія, окончившіяся тѣмъ, что въ настоящее время консулъ можетъ разрѣшать дѣла туркменъ своего района только по соглашенію съ комиссаромъ.

Городъ Астрабадъ съ населеніемъ до 20000 чел. представляетъ собой типичный восточный маленькій городокъ. Въ старыя времена, когда еще персы вели безпрерывную борьбу съ туркменами, весь онъ былъ окруженъ высокою стѣною съ башнями и рвомъ; теперь стѣна обратилась въ не особенно высокіе валы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти совершенно разрушилась, кое-гдѣ обвалилась и обнажила старую кирпичную кладку, а рвы такъ густо заросли всякаго рода кустарниками, что перейти ихъ можно только проложенными тропами. Въ валахъ этихъ до сихъ поръ существуютъ четверо древнихъ воротъ, типичной персидской архитектуры, которыми и въѣзжаютъ въ городъ. Улицы всѣ мощеныя и мостовыя эти являются остатками бывшей когда-то культуры, вновь же ихъ не дѣлается и старыя не исправляются, но при очень малой ѣздѣ по нимъ, да и то только верховой, онѣ и не портятся. Водоснабженіе города поддерживается громадною системою арыковъ, на которые разбивается втекающая въ него у Шахрудскихъ воротъ подъ стѣну горная рѣчка Хасе-рудъ и вытекающая изъ него, пройдя всю эту систему, вновь въ видѣ рѣчки у Фурджирскихъ воротъ. Эта же система арыковъ служитъ и канализаціей, такъ какъ весь соръ и всякіе отбросы сваливаются въ тѣ же быстро бѣгущіе арыки, которые и уносятъ все внизъ по теченію, но надо себѣ представить, во что обращаются эти арыки къ выходу изъ города. Проведены они вездѣ и всякое городское владѣніе пересѣкается хотя бы однимъ изъ нихъ, въ нѣкото-

рыхъ же, какъ, напримѣръ, на усадьбѣ консульства, они составляютъ особыя самостоятельныя системы; бѣгутъ они и вдоль улицъ; воды въ нихъ всегда достаточно, но количество ея замѣтно колеблется въ зависимости отъ того, что происходитъ въ горахъ, и то они бѣгутъ шумными ручьями, когда тамъ идутъ дожди, то тихо журчатъ, когда

Шахрудскія ворота Астрабада.

горы освобождаются отъ своего облачнаго покрова. Для питья вода запасается въ особыя каменныя водохранилища, капитально устроенныя глубоко въ землѣ, наполняемыя водой на цѣлый годъ весною, когда по всѣмъ арыкамъ Астрабада Хасе-рудъ несетъ съ горъ кристально-чистую снѣговую воду; этого запаса, какъ говорятъ, хватаетъ отъ весны до весны. Прекрасная вода для питья получается также изъ расположеннаго у Чильдухтерскихъ во-

ротъ города источника Саръ-Ходжа, маленькое озеро при которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ для всего города водопоемъ особаго рода: сюда съѣзжаются персы не потому, чтобы негдѣ было въ другомъ мѣстѣ напоить ишаковъ и лошадей, а для прогулки и чтобы щегольнуть своими конями и ихъ уборами, и поэтому въ часы заката, когда

Астрабадская улица.

солнце скрывается за близкими горами и послѣдніе лучи его чуть золотятъ верхушки тонущихъ въ голубомъ сумракѣ дальнихъ хребтовъ, а къ источнику начинаетъ съѣзжаться народъ, надъ воротами на стѣнѣ собираются туземные зрители; да и европейская часть населенія Астрабада не брезгуетъ, сидя на берегу маленькаго озерка и наслаждаясь наступающей послѣ невыносимаго зноя сравнительной прохладой, полюбоваться этой своеобразной

Источникъ Саръ Хаджа.

картиной, подъ звуки монотонной персидской пѣсни и доносящагося изъ города заунывнаго призыва муэдзиновъ.

Улицы Астрабада кривы и узки, сплетенія ихъ составляютъ такой лабиринтъ проходовъ и тупиковъ, что сразу разобраться въ нихъ очень трудно. Широкихъ настолько, чтобы по нимъ возможна была колесная ѣзда, очень мало,

Базаръ въ Астрабадѣ.

а всѣ остальныя доступны только для прохода и проѣзда верховой или вьючной лошади. Центромъ города, къ которому сходятся всѣ эти кривыя и узенькія улицы, является большой базаръ,—типичные крытые длинные проходы со множествомъ тѣсно приткнувшихся другъ къ другу, открытыхъ лавокъ, торгующихъ всевозможными товарами, при чемъ во многихъ изъ нихъ торговля производится произведеніями тутъ же и изготовляемыми, такъ что лавочка

въ этомъ случаѣ не отдѣляется уже отъ мастерской и торговецъ отъ мастера. Тачаютъ сапоги въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ постукиваетъ швейная машина всемiрнаго Зингера, на которой солидный персъ въ очкахъ шьетъ незатѣйливое персидское платье, кое-гдѣ раздается стукъ молоточка что-то чеканящаго мѣдника, постукиваютъ молотки столяровъ, но все это дѣлается медленно, не спѣша, подъ взглядами неподвижно сидящихъ зрителей и мѣрно выступающихъ по базару типичныхъ персидскихъ фигуръ. Собственно торговли почти не видно и становится непонятно, чѣмъ же живетъ все это множество торговцевъ. Кромѣ большого базара въ Астрабадѣ имѣется еще два, совершенно такого же характера, но меньшихъ размѣровъ. Постройки, кромѣ базарныхъ—деревянныхъ, почти всѣ изъ сырцоваго кирпича, строительныя качества котораго, благодаря значительной примѣси извести во всѣхъ здѣшнихъ глинахъ, превосходны. Дома строятся такимъ образомъ, что на улицы оконъ въ нижнемъ этажѣ не выходитъ и всѣ владѣнiя огораживаются глухими стѣнами съ маленькими только калитками, вслѣдствiе чего улицы имѣютъ ужасно глухой видъ: все время тянутся двѣ стѣны, открывая кое-гдѣ узкiе проходы въ стороны, да видны плотно притворенныя калитки. Окна на улицу бываютъ только во второмъ этажѣ, при чемъ рамъ, въ европейскомъ смыслѣ, въ нихъ нѣтъ, а вставляются какiя-то рѣшетки съ причудливымъ узоромъ безъ стеколъ, или вѣшаются циновки. Крыты персидскiе дома въ Астрабадѣ всѣ безъ исключенiя черепицей, которой покрываются и глинобитныя стѣны, тянущiяся вдоль всѣхъ улицъ, — а на нихъ, по черепицѣ, густо разростается ирисъ, и благодаря этому во время цвѣтенiя его улицы Астрабада представляютъ чрезвычайно своеобразную и красивую картину. Большихъ зданiй въ Астрабадѣ нѣтъ, кромѣ бывшаго шахскаго дворца, нынѣ казармы русскаго отряда, представляющаго собой соб-

Шахскій дворецъ въ Астрабадѣ.

ственно очень много слитыхъ между собой зданій съ внутренними дворами, садами и всевозможными переходами и даже съ подземельями. Когда то онъ былъ богато отдѣланъ, въ садахъ его журчали фонтаны надъ зеркальными водоемами, кипѣла въ немъ жизнь, но все это осталось въ прошломъ, а теперь большая часть его заброшена, многое

Улица въ Астрабадѣ.

разрушено и почти все цѣнное разворовано. Главное зданіе—самый дворецъ, сохраняетъ еще и сейчасъ слѣды бывшей отдѣлки; въ немъ уцѣлѣла, напримѣръ, въ нижнемъ этажѣ облицовка стѣнъ изъ какого то прозрачнаго камня съ нанесенными на заднюю сторону его рисунками цвѣтовъ и великолѣпныя маіолики подъ карнизомъ въ трудно доступныхъ мѣстахъ, въ болѣе же легко доступныхъ все уже вынуто. И добро бы это разворовывалось съ

какою нибудь цѣлью, хотя бы наживы; нѣтъ, все это уничтожается просто отъ нечего дѣлать или по полному непониманію цѣнности этихъ предметовъ; слѣды пуль въ маіоликахъ и части ихъ, валяющіяся въ грязи для болѣе удобнаго перехода, лучше всего это доказываютъ.

Растительность въ Астрабадѣ вообще роскошная: громадные густолиственные чинары, стройные пирамидальные тополи, каштаны и инджиръ съ ихъ разрѣзными листьями, гирлянды свѣшивающагося изъ-за стѣнъ винограда и тянущіяся по всѣмъ улицамъ на стѣнахъ линіи ирисовъ въ соединеніи съ желтыми стѣнами зданій и красными черепичными крышами, дѣлаютъ видъ Астрабада чрезвычайно живописнымъ. Общая картина эта хороша и при яркомъ солнечномъ освѣщеніи и при красноватыхъ лучахъ заката, но подъ луннымъ свѣтомъ, при темно-синемъ, глубокомъ персидскомъ небѣ съ ярко сверкающими на немъ звѣздами, съ рѣдкими мигающими среди густой зелени огоньками въ персидскихъ домахъ и одиноко бредущими по пустыннымъ, узкимъ улицамъ прохожими въ восточныхъ костюмахъ, она оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе.

Астрабадъ.

Условія жизни въ Астрабадѣ очень тяжелы; полное

отсутствіе удобствъ, трудность отыскать квартиру, невозможность достать привычные пищевые продукты, едва выносимая жара и духота, особенно ощущающаяся въ самомъ городѣ, гдѣ, благодаря окружающимъ его стѣнамъ, накаленный воздухъ почти неподвиженъ, все это составляетъ для европейца отрицательную сторону Астрабадской жизни; общимъ бичемъ для всего населенія является свирѣпствующая здѣсь малярія различныхъ видовъ, отъ заболѣванія которой человѣку живущему въ Астрабадѣ нѣтъ почти никакой возможности уберечься. Эта страшная болѣзнь проявляется здѣсь иногда въ такой молніеносной формѣ, что въ три дня наступаетъ смерть. Главный контингентъ больныхъ, обращавшихся къ отряду Краснаго Креста, ведшему въ 1914 году успѣшную борьбу съ маляріей, и лежавшихъ въ его больницѣ, составляли малярики, а работа его по изслѣдованію этой болѣзни показала, что въ районѣ Астрабада людей, не зараженныхъ малярійнымъ плазмодіемъ, почти не встрѣчается, съ тою только разницею, что у однихъ малярія проявляется въ острой формѣ, кончающейся въ большинствѣ смертью, если не будетъ оказана медицинская помощь, у другихъ въ хронической, но даже у людей

Домъ консульства въ Астрабадѣ.

совершенно не считающихъ себя больными, кровь по изслѣдованію оказывалась измѣненной. Уберечься отъ заболѣванія ею почти нельзя, потому что уберечься вообще можно только отъ того, что нападаетъ открыто, нападеніе же малярiи совершается коварно и совершенно незамѣтно; зараженіе ею передается укусомъ комара, а ихъ то въ Астрабадѣ и нѣтъ. Проживъ тамъ и довольно значительное время, едва ли удастся увидѣть только нѣсколько десятковъ комаровъ, между тѣмъ малярію получить въ Астрабадѣ почти обязательно. Нѣкоторымъ предохраненіемъ служитъ постоянная хинизація, но встрѣчаются случаи, когда и при ней люди заражаются маляріей.

Конечно бичъ этотъ существуетъ не для одного Астрабада, но одинаково тяжелъ и для всей провинціи, въ особенности для прибывающихъ сюда европейцевъ, организмъ которыхъ совершенно не приспособленъ къ выпадающей на его долю борьбѣ; русскіе переселенцы страшно страдаютъ отъ маляріи, а насколько она можетъ быть ужасна лучше всего можетъ показать примѣръ Саратовскаго поселка, въ которомъ изъ 110 душъ въ продолженіе времени съ Января по Октябрь 1913 года вымерло 73, а остальные безъ оглядки бѣжали; цѣлой семьи не осталось ни одной, а одна вымерла цѣликомъ. Медицинской помощи не было.

Другимъ центромъ Астрабадской провинціи, туркменскимъ, является Гумбетъ-Кобузъ, называемый укрѣпленіемъ, хотя укрѣпленія никакого въ немъ нѣтъ, мѣстопребываніе пограничнаго комиссара и стоянка русскихъ казаковъ. Отъ Астрабада до него считаютъ 110 верстъ колесной дороги, или верстъ 80 по верховой, но пользуются обыкновенно первой, такъ какъ она, проходя все время по степи, ровна и гладка, верховыя же тропы, пробираясь у самыхъ горъ, всѣ состоятъ изъ подъемовъ и спусковъ и пересѣкаютъ множество арыковъ и рѣчекъ, въ

Провалившийся мостъ черезъ р. Кара-су.

зимнее и весеннее время совершенно непереходимыхъ, такъ какъ мостовъ нигдѣ не имѣется.

Колесная дорога отъ Астрабада идетъ сперва по прямому направленію къ Гюргену, къ развалинамъ бывшей когда то крѣпости Ахъ-Кала. Тутъ имѣется древній мостъ съ защитными башнями старой персидской архитектуры, сохранившійся настолько, что имъ еще и до сихъ поръ пользуются для единственнаго переѣзда черезъ Гюргенъ на всемъ его протяженіи отъ Хаджи-Нефеса до Гумбета. Но мостъ этотъ уже очень ветхій и, вѣроятно, не далеко то время, когда онъ откажется далѣе служить и, конечно, о возстановленіи его никто заботиться не будетъ, такъ же какъ теперь никто не думаетъ объ его поддержаніи; будутъ ѣздить лѣтомъ въ бродъ, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, а зимой и весной не будутъ ѣздить совсѣмъ. По этой же дорогѣ существуетъ такой же мостъ черезъ Кара-су; онъ теперь провалился и лѣтомъ 1914 года всѣ объѣзжали его стороною, по руслу высохшей рѣки, но никто не думаетъ о его поправкѣ.

Развалины крѣпости Ахъ-Кала.

Отъ Ахъ-Кала дорога до Гумбета идетъ все время правымъ берегомъ Гюргена, то подходя къ нему вплотную,

то удаляясь довольно значительно. Впечатлѣніе отъ этой дороги самое безотрадное; безъ конца тянется она по гладкой, какъ полъ, выжженной степи и пропадаетъ въ затянутой мглою спертаго, знойнаго воздуха дали. Чахлыя, низкія травы, сѣрыя отъ покрывающей ихъ пыли, совершенно гармонируютъ съ общимъ безкрасочнымъ, несмотря на яркое солнце, колоритомъ всей картины. Оживляютъ ее только изрѣдка попадающіяся сайги, останавливающіяся внезапно на своемъ бѣгѣ недалеко отъ дороги, съ любопытствомъ разсматривающія нѣсколько мгновеній ѣдущихъ по ней путниковъ и затѣмъ быстрыми, легкими прыжками, какъ стрѣла, бросающіяся въ сторону и тотчасъ же безслѣдно исчезающія, сливаясь со степью.

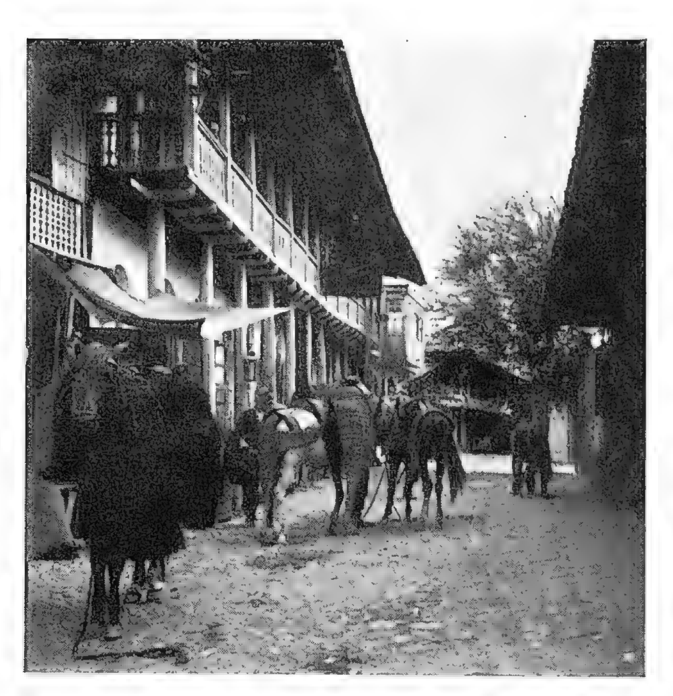
Самый Гумбетъ представляетъ собою широко раскинувшееся поселеніе съ постройками изъ сырцоваго кирпича, крытыми соломой, частью черепицей, но нерѣдко и желѣзомъ. Дома на европейскій ладъ, множество лавокъ, но не базарнаго типа, а скорѣе въ видѣ торговыхъ рядовъ, широкія улицы, по окраинамъ туркменскія кибитки и разбросанные кругомъ аулы съ ихъ типичными вышками. Въ сторонѣ отъ поселка пригорокъ, на которомъ высится домъ комиссара и знаменитая древняя Гумбетская башня въ 30 саж. вышиной, въ настоящее время—пріютъ летучихъ мышей, живущихъ въ ней въ такомъ множествѣ, что запахъ ихъ слышенъ даже тогда, когда только проходишь мимо ея мрачнаго входа. Гумбетъ расположенъ на лѣвомъ берегу Гюргена, на совершенно гладкой и ровной степи. Отрицательной стороной его является отсутствіе воды для питья; по необходимости приходится ее брать изъ Гюргена, хотя въ немъ она и тепла и мутна и ее необходимо отстаивать, но для орошенія изъ рѣки вывозить ее невозможно, а доходящая сюда съ горъ по арыкамъ вся расходуется для полива огородовъ и бахчей. Поэтому Гумбетъ представляется совершенно лишеннымъ растительности, большихъ

Гумбетъ-Кабузъ.

деревьевъ въ немъ нѣтъ вовсе, сажаемыя же молодыя принимаются плохо и имѣютъ чахлый видъ, весьма непривлекательный отъ покрывающей ихъ густымъ слоемъ лессовой пыли. Постоянно дующіе въ полуденные часы западные вѣтры поднимаютъ цѣлыя тучи ея и гонятъ по степи, затуманивая воздухъ; нерѣдко образуются изъ пыли смерчи, кривыми колоннами поднимающіеся высоко къ небу и быстро бѣгущіе по степи, подхватывая попадающійся на пути соръ и сухія степныя травы. Въ общемъ видъ степи вокругъ Гумбета крайне безжизненный, однообразный и безотрадный и нигдѣ такъ не ощущается необходимость устройства орошенія для ея оживленія и обращенія въ пригодную для культуры землю, какъ здѣсь. Гумбетъ является только наполовину селеніемъ туркменскимъ, наполовину же онъ и сейчасъ уже представляетъ собою русское поселеніе: русскихъ, жившихъ въ немъ лѣтомъ 1914 года, по подсчету комиссара, было до 150 сем., около 600 душъ, но такъ какъ большинство изъ нихъ не переселенцы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а или ремесленники, или торговцы, или просто люди, пріѣхавшіе сюда поискать какого-либо дѣла и даже поудить рыбу въ мутной водѣ, то элементъ этотъ является крайне неустойчивымъ и число русскихъ въ Гумбетѣ подвержено частымъ и сильнымъ колебаніямъ.

Третьимъ центральнымъ мѣстомъ Астрабадской провинціи является мѣстечко Бендеръ-Гезъ, верстахъ въ 50 отъ Астрабада лѣтомъ по колесной дорогѣ, на берегу Каспійскаго моря, почти въ самомъ юго-восточномъ углу его, портъ въ настоящее время Астрабадской провинціи и мѣстная персидская таможня. Въ торговомъ отношеніи, благодаря этому, Бендеръ-Гезъ играетъ очень большую роль, какъ проводникъ въ сѣверную Персію всѣхъ ввозимыхъ въ нее и вывозимыхъ изъ нея въ Россію товаровъ. Портъ Бендеръ-Гезъ очень плохой, потому что изъ-за

незначительной глубины моря пароходы должны останавливаться далеко въ заливѣ, у поставленнаго верстахъ въ двухъ отъ берега дебаркадера, что чрезвычайно затрудняетъ и доставку товаровъ на берегъ и выгрузку ихъ съ парохода, которая иногда въ бурную погоду бываетъ совершенно невозможна; въ такихъ случаяхъ назначенные въ Бендеръ-Гезъ грузы приходится провозить далѣе, въ надеждѣ выгрузить ихъ на обратномъ пути, что иногда также не удается и грузы вмѣсто Бендеръ-Геза могутъ попасть въ Мешедессеръ, а иногда и въ Чикишляръ и приходится потомъ или выручать ихъ оттуда съ большими затрудненіями, или вновь грузить на пароходъ со слѣдующимъ рейсомъ, что бываетъ разъ въ недѣлю, и снова пытаться доставить ихъ по назначенію. Къ этому надо прибавить, что монопольное здѣшнее пароходство „Кавказъ и Меркурій“ совершенно уже перестало церемониться съ грузами и вовсе не считаетъ срочную ихъ доставку для себя обязательной. Эти крайнія неудобства внѣшнихъ сообщеній Персіи являются одною изъ главныхъ причинъ застоя всей здѣшней торговли и промышленности.

Улица въ Бендеръ-Гезѣ.

Бендеръ-Гезъ населенъ исключительно персами и евро-

Русло р. Кара-су заросшее въ лѣтнее время тростниками и совершенно пересохшее.

пейцами, которыхъ здѣсь, какъ въ торговомъ мѣстѣ, довольно много, туркмены бываютъ въ немъ только по торговымъ дѣламъ, живущихъ же тутъ ихъ нѣтъ вовсе. Европейская жизнь здѣсь тѣсно переплелась съ персидской, зданія уже не носятъ туземнаго характера, а выстроены почти всѣ на европейскій манеръ, а нѣкоторыя и совершенно поевропейски; на-ряду съ лавками базарнаго типа, есть прекрасные магазины съ вывѣсками на русскомъ языкѣ; все это совершенно отнимаетъ отъ Бендеръ-Геза характеръ персидскаго города, а вмѣстѣ съ тѣмъ кривыя, узкія улицы и грязь не дѣлаютъ его похожимъ и на европейскій городъ и получается ни то, ни се. Условія жизни въ немъ еще хуже, чѣмъ въ Астрабадѣ; благодаря близости моря и горъ, дающихъ на береговую полосу очень много влаги, окрестности Бендеръ-Геза сильно заболочены, а слѣдствіемъ такихъ условій, подъ здѣшнимъ горячимъ солнцемъ, всегда является усиленное развитіе маляріи и, дѣйствительно, Бендеръ-Гезъ служитъ ея главнымъ очагомъ во всей Астрабадской провинціи.

Въ Бендеръ-Гезѣ находится персидская таможня, состоящая въ управленіи бельгійцевъ; на притѣсненія, чинимыя ею, очень жалуются всѣ бендергезскіе торговцы, но если принять во вниманіе ту упорную борьбу, которую ей приходится все время вести съ безпошлиннымъ и даже контрабанднымъ провозомъ товаровъ въ страну, жалобы эти потеряютъ значительную долю своей основательности, а въ иныхъ случахъ, пожалуй, будутъ смахивать на крокодиловы слезы.

Торговля въ Бендеръ-Гезѣ, какъ главномъ ввозномъ пунктѣ восточной части сѣверной Персіи, можетъ служить показателемъ и для всей торговли этого района и, конечно, здѣсь она гораздо оживленнѣе, чѣмъ въ Астрабадѣ; товары здѣсь другого сорта и тутъ можно купить и порядочныя вещи изъ привозныхъ товаровъ и очень хорошія

изъ туземныхъ, особенно персидскіе и туркменскіе ковры. Нетуземные товары, главнымъ образомъ мануфактура, расходящаяся отсюда по всему району, встрѣчаются одинаково русскіе и иностранные, т. е. нѣмецкіе и французскіе, которые попадаютъ въ Персію всѣ подъ видомъ маловѣсныхъ почтовыхъ посылокъ; этимъ способомъ ввоза создается удивительно странное положеніе: сама Россія ввозитъ въ Персію товары своихъ торговыхъ конкурентовъ и даетъ имъ возможность избѣгать такимъ путемъ уплаты таможенныхъ пошлинъ и успѣшно конкуррировать съ ея товарами. Рынокъ въ Бендеръ-Гезѣ, напримѣръ, совершенно заполненъ коврами нѣмецкой и французской фабрикаціи, очень красивыми, но качества очень плохого, отчасти изъ-за того, что вѣсъ ихъ ловко разсчитанъ на предъявляющіяся къ почтовымъ отправленіямъ требованія. По качеству цѣна ихъ довольна высока, но по виду и величинѣ она кажется низкой, почему сбытъ ихъ очень значителенъ. Напримѣръ, ковры аршинъ 3-хъ длиною и 2-хъ шириною нѣмецкой работы, почему-то, несмотря на нѣмецкія клейма, называемыя здѣсь англійскими, продаются по 8 р. 60 к., французской по 7 р., вида же у нихъ куда больше. Благодаря виду и небольшой стоимости они охотно раскупаются, между прочимъ и русскими, а такъ какъ и русскимъ таможнямъ въ Красноводскѣ и по Персидской границѣ приходится вести непрерывную, но едва ли производительную борьбу съ контрабандой, то ковры эти безъ оплаты пошлиной попадаютъ и на русскій рынокъ. Цѣны въ рубляхъ и копѣйкахъ указываются потому, что въ Бендеръ-Гезѣ русскія деньги пользуются не только равными правами съ персидскими, но даже разсчеты на нихъ предпочитаются.

Ввозная торговля вся, въ особенности русская, не прибѣгающая къ способамъ почтовой пересылки, поставлена тутъ въ очень тяжелыя условія, отчасти по причинѣ

крайняго неустройства доставки сюда грузовъ, о которой сказано выше, отчасти вслѣдствіе общихъ персидскихъ условій, крайне затрудняющихъ разсчеты съ покупателями. Отсутствіе въ Персіи опредѣленныхъ законовъ и правильнаго суда чрезвычайно усложняетъ всякаго рода взысканія, а во многихъ случаяхъ дѣлаетъ ихъ совершенно безнадежными. Это зло такъ сильно и такъ тѣсно слилось со всѣмъ персидскимъ укладомъ, что многіе торговцы даже и не пытаются взыскивать долги, наученные опытомъ считать это дѣло окончательно безполезнымъ, и просто заносятъ ихъ въ число понесенныхъ по своей же неосторожности убытковъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить и тѣ части жалобъ торговцевъ на персидскую таможню, въ которыхъ дѣйствительно есть справедливость, какъ, напримѣръ, жалобы на неотвѣтственность таможни за порчу грузовъ и кражи, и тогда станетъ совершенно понятно, что надѣяться на особое развитіе здѣшней торговли, пока будутъ оставаться нетронутыми сложившіяся такимъ образомъ условія, тщетно.

Предметами вывоза служатъ хлопокъ, ковры и разнаго рода растительные продукты: фисташки, фиги, грецкіе орѣхи, шептала, абрикосы и т. п.

Хлопковая торговля вся сосредоточена въ рукахъ, немногихъ армянскихъ товариществъ, которыя благодаря отсутствію конкуренціи и близорукому стремленію къ крупнымъ барышамъ, упорно не даютъ ей развиваться. Персидскій хлопокъ качествомъ хуже туркестанскаго и разцѣнивается гораздо ниже; обыкновенная цѣна его по 8 р. на мѣстѣ и 11 р. съ доставкой въ Астрахань. Ферганскій же, напримѣръ, цѣнится 14,5 р. на мѣстѣ. Причины же этого явленія всецѣло лежатъ въ постановкѣ хлопковой промышленности, даваемой ей самими хлопковыми торговцами. Такъ, они не только не заботятся о снабженіи хлопководовъ улучшенными сѣменами, но, наоборотъ, смѣ-

шеніемъ хорошихъ сортовъ съ плохими для того, чтобы имѣть возможность оцѣнить весь доставляемый хлопокъ одной цѣной, они отбиваютъ отъ продавцовъ всякое желаніе повысить качество продукта. Съ тою же цѣлью пониженія его качества для низкой оцѣнки, они не заботятся и объ устройствѣ хлопкоочистительныхъ заводовъ въ районѣ, а на принадлежащихъ имъ берутъ такую цѣну за очистку, что послѣ нея хлопководу становится уже совершенно невыгодно отдавать хлопокъ по цѣнѣ, предлагаемой ему собственникомъ же завода. Если къ этимъ условіямъ присоединить еще почти полное отсутствіе колесныхъ дорогъ въ сѣверной Персіи, и даже совсѣмъ полное въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ условія для хлопка наиболѣе благопріятны, то станетъ понятно, что развитію здѣшней хлопковой промышленности и торговли предстоитъ еще долгое пребываніе въ инертномъ состояніи, въ настоящее же время персидскаго хлопка ввозится на русскій рынокъ около 1.800.000 пудовъ, изъ которыхъ нѣсколько болѣе $^{2}/_{10}$, а именно около 400.000 пуд., приходятся на долю сѣверо-восточнаго угла Персіи, ввозъ изъ котораго составляетъ, такимъ образомъ, $^{1}/_{62}$ часть всего русскаго хлопковаго ввоза, равнаго 25.000.000 пудовъ. Это, конечно, очень немного, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что при надлежащемъ отношеніи къ здѣшнему хлопководству и при мѣстныхъ природныхъ условіяхъ ввозъ хлопка изъ этого угла Персіи можетъ быть очень сильно повышенъ.

Ковровое производство въ Персіи ведется изстари; персидскіе и туркменскіе ковры издавна пользуются прекрасной репутаціей, которая и до сихъ поръ продолжаетъ оставаться непоколебленной, несмотря на проникновеніе и въ здѣшнюю патріархальную страну европейской культуры въ видѣ анилиновыхъ красокъ. Благодаря имъ, спокойные прежде тоны растительныхъ красокъ замѣнились кричащими и яркими, прочность же самого тканья осталась все

та же. Но благодѣтельное время и способность анилиновыхъ красокъ выцвѣтать на свѣту довольно быстро приводятъ эту яркость къ спокойствію и тогда персидскіе и туркменскіе ковры, приближаясь къ гармоничнымъ сочетаніямъ окрасокъ старыхъ образцовъ, становятся дѣйствительно великолѣпными.

Настоящіе персидскіе и туркменскіе ковры всѣ ручного производства, и если болѣе дешевые сорта ихъ и производятся на фабрикахъ, то это не значитъ, что они выдѣлываются машинами, такъ какъ ковровыя фабрики, которыхъ въ Мешхедѣ имѣется до 40, представляютъ собою заведенія особаго рода, на которыхъ ковры ткутся тѣмъ же ручнымъ способомъ наемными ткачами и фабричная выдѣлка ихъ выражается только тѣмъ, что получается сразу нѣсколько ковровъ одинаковаго рисунка; отъ ткача здѣсь требуется только чисто механическое умѣніе ткать, знаніе же рисунка и умѣнія его воспроизвести не нужно. Для этого посреди фабрики сидитъ пѣвецъ, распѣвающій старинныя пѣсни, подробно и детальнѣйшимъ образомъ излагающія пріемы тканья, и ткачамъ остается только слѣпо слѣдовать ихъ указаніямъ, во время перемѣнить цвѣтъ пряжи, продернуть опредѣленное количество разъ утокъ извѣстнаго цвѣта черезъ основу и узоръ выйдетъ самъ собою, какъ на машинѣ. Такіе ковры цѣнятся дороже съ несимметричнымъ узоромъ, съ симметричнымъ же дешевле, такъ какъ они допускаютъ возможность тканья ихъ сразу съ двухъ концовъ; въ общемъ же все-таки ковры Мешхедскихъ фабрикъ, поступающіе на рынокъ сразу въ большомъ количествѣ одинаковыхъ образцовъ, цѣнятся дешевле кустарныхъ, но вообще цѣны на туземные ковры и на мѣстѣ стоятъ очень высокія; даже въ туркменскихъ аулахъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, за нихъ запрашиваютъ такъ непомѣрно дорого, что покупка ихъ для человѣка съ среднимъ достаткомъ становится совершенно недоступной.

ГЛАВА IV.

Сельское населеніе. — Положеніе персидскихъ крестьянъ. — Персидскія деревни. — Дороги.—Туркмены.—Аулы.—Земельный вопросъ въ Персіи.

Внѣ Астрабада, Гумбета и Бендеръ-Геза населеніе Астрабадской провинціи живетъ—персидское въ деревняхъ, а туркменское въ аулахъ.

Персидское крестьянство своей земли не имѣетъ, а существуетъ обработкою земель помѣщиковъ, принадлежащихъ имъ на правахъ личной собственности путемъ покупки, пожалованія, наслѣдованія и т. п., а иногда и путемъ отчужденія ихъ отъ дѣйствительнаго собственника. Живетъ оно въ деревняхъ, въ которыхъ только домъ принадлежитъ крестьянину, а все остальное составляетъ собственность помѣщика, въ составъ имѣнія котораго данная деревня входитъ, такъ какъ самое основаніе деревни, заключающееся въ постройкѣ мечети, бани, заборовъ кругомъ ея и, что самое главное, въ устройствѣ водоснабженія, производится помѣщикомъ за свой счетъ, крестьянамъ же остается только выстроить дома на выдаваемыя на это помѣщикомъ небольшія деньги. Такое подготовленіе мѣста подъ заселеніе требуетъ не особенно много затратъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водяной вопросъ разрѣшается легко; тамъ же, гдѣ на подготовляемомъ участкѣ или вблизи его не имѣется естественныхъ водъ, дѣло значительно усложняется и удорожается: приходится въ лучшемъ случаѣ рыть колодцы, а иногда проводить воду съ горъ, посред-

ствомъ кяризовъ — ряда колодцевъ по всему протяженію водопровода, соединенныхъ между собою подземными галлереями, что ложится уже на имѣніе значительнымъ расходомъ. Заселяются деревни очень легко; всякій крестьянинъ, согласный на предлагаемыя помѣщикомъ условія, можетъ приходить и селиться. Равнымъ образомъ также

Персы.

легко и помѣщикъ можетъ выселить обитателей своей деревни, и крестьяне — покинуть данную деревню и перейти къ другому помѣщику, условія котораго болѣе для нихъ выгодны; но такой порядокъ, обусловливающій полную свободу отношеній, мыслимъ только въ теоріи, въ дѣйствительности же легко выполнимо только первое, т. е. помѣщикъ свободно можетъ выселить обитателей своей деревни, что же касается второго, то персидскій безземельный и

безденежный крестьянинъ сразу же послѣ поселенія настолько связывается помѣщикомъ всякими долговыми обязательствами, что остается на всю жизнь у него въ полной зависимости и уйти отъ него никогда не можетъ. Никакіе суды и споры помочь тутъ не могутъ, такъ какъ въ Персіи право только одно —деньги или сила, а въ этой области право всегда останется за помѣщикомъ, на долю же крестьянина останется вмѣсто теоретической свободы отношеній полное безправіе и крѣпостная зависимость. Наиболѣе обыкновенныя условія, на которыхъ отдаются земли въ пользованіе крестьянамъ, это взиманіе съ нихъ части урожая натурой, рѣже—полученіе съ нихъ обусловленнаго количества продуктовъ внѣ зависимости отъ урожая и еще рѣже—плата деньгами. Обыкновенно крестьяне отдаютъ помѣщику 50% урожая риса и 20% всего остальнаго, но встрѣчаются и значительныя отступленія отъ такихъ условій, колеблющіяся въ широкихъ размѣрахъ. Надо сказать, что и плата эта только теоретическая, фактически же и остающаяся у крестьянина часть урожая, если и не попадетъ въ руки собственника деревни непосредственно, то во всякомъ случаѣ рукъ его не минуетъ, такъ какъ право скупки этихъ остатковъ отдается помѣщикомъ на откупъ, чѣмъ крестьяне совершенно лишаются возможности продавать ихъ на сторону, какъ бы ни были низки цѣны, назначаемыя скупщикомъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ у персидскаго крестьянина не является никакого желанія улучшать свое хозяйство и онъ ведетъ его крайне небрежно, довольствуясь минимальными размѣрами, которые только что не дадутъ ему умереть съ голоду, такъ какъ знаетъ, что всѣ излишки сверхъ этого все равно отъ него будутъ тѣмъ или инымъ путемъ отобраны.

Количество персидскаго населенія въ Астрабадской провинціи установить затруднительно, такъ какъ никогда никакихъ переписей здѣсь не производилось, но, принявъ

Персидская горная деревня Зіаретъ.

во вниманіе разбросанность персидскихъ селеній, колоссальныя пространства пустующихъ земель и географическія условія, можно заключить, что населеніе здѣсь довольно рѣдкое. Это отчасти подтверждается и существующими данными о количествѣ населенія пяти булюковъ провинціи, по которымъ значится въ булюкѣ Дагате-ма-

Постройки въ персидской деревнѣ.

ликъ 9 селеній съ 850 дворами, въ Астрабадъ-рустамѣ 35 селеній съ 3.100 дворами, въ Седанъ-рустамѣ 51 селеніе съ 5.000 дворовъ, въ Анизанѣ 20 селеній съ 3.000 дворовъ и въ Саваръ-Шахъ-кухѣ 10 селеній съ 800 дворами, а всего въ пяти булюкахъ 125 селеній съ 12.750 дворами, что дастъ по обычному расчету 63.750 душъ.

Постройки персидскихъ деревень очень легкаго типа: ставятся столбы, пространство между ними заплетается

плетнемъ, и все это обмазывается толстымъ слоемъ глины, покрывается такая постройка гонтомъ и домъ готовъ, а благодаря работѣ солнца и прекраснымъ качествамъ здѣшнихъ глинъ, онъ становится и крѣпкимъ. Дома въ деревняхъ разбросаны безъ всякаго порядка, отчего всегда между ними много узкихъ и кривыхъ проулковъ, но благо-

Персидская деревня Хокёль въ предгорной полосѣ.

даря обильной растительности, здѣшніе деревенскіе виды очень живописны, въ особенности въ горныхъ деревняхъ, лѣпящихся по крупнымъ откосамъ и карнизамъ и раскидывающихся по берегамъ быстрыхъ рѣчекъ въ глубинѣ долинъ.

Около каждой деревни виднѣются изумрудно-бархатныя, залитыя водой, ровныя рисовыя поля, съ типичными вышками, торчащими гдѣ-нибудь на краю, для помѣщенія стражи, охраняющей ихъ отъ нападенія кабановъ. Вода

Горная дорога.

для нихъ берется или изъ протекающихъ вблизи рѣчекъ и ручьевъ или изъ кяризовъ, но такъ какъ въ Персіи быть собственникомъ земли еще не значитъ быть хозяиномъ и воды на ней, то въ тѣхъ случаяхъ, когда ея для заливки рисовыхъ полей оказывается недостаточно, или совсѣмъ нѣтъ, она покупается у сосѣдей и въ такомъ случаѣ условія пользованія землей значительно измѣняются и большая часть урожая риса, примѣрно 35%, поступаетъ уже собственнику воды, владѣльцу же земли уплачивается только около 10—15%. Задержка воды на рисовыхъ поляхъ иногда ставитъ въ очень скверное положеніе хозяйства, расположенныя внизъ по теченію, тѣмъ болѣе худшее, чѣмъ ниже оно находится, особенно же тяжело это сказывается въ степи, куда рѣчки, разбираемыя на рисовыя поля въ горахъ и предгорьяхъ, воды уже не доносятъ и тогда все тамъ выжигается солнцемъ, а осенью, когда рисъ созрѣваетъ и убирается и вода со всѣхъ полей спускается, въ степи образуется настоящее наводненіе, дороги становятся непроѣздными и страшно развивается малярія.

Въ Астрабадской провинціи дороги рѣзко дѣлятся на двѣ категоріи—пролегающихъ по правому берегу Гюргена и идущихъ по его лѣвому берегу. Первыя, какъ проложенныя по совершенно безводной ровной степи, которая собственно и особыхъ дорогъ не требуетъ, такъ какъ ѣхать можно по любому мѣсту, лѣтомъ прекрасны и, благодаря тому, что у туркменъ существуетъ арба, всѣ колесныя. На лѣвомъ же берегу колесныя дороги существуютъ только въ той части, гдѣ встрѣчаются туркменскіе аулы, или гдѣ поселились русскіе, сами же персы ѣздятъ всегда верхомъ и грузы свои перевозятъ только на вьюкахъ и колесъ не употребляютъ. Поэтому въ районѣ персидскихъ деревень дорогами называются тропы для верховой ѣзды, безъ конца вьющіяся по предгорьямъ и высоко уходящія въ горы. Какъ колесныя степныя дороги, такъ и тропы эти совершенно

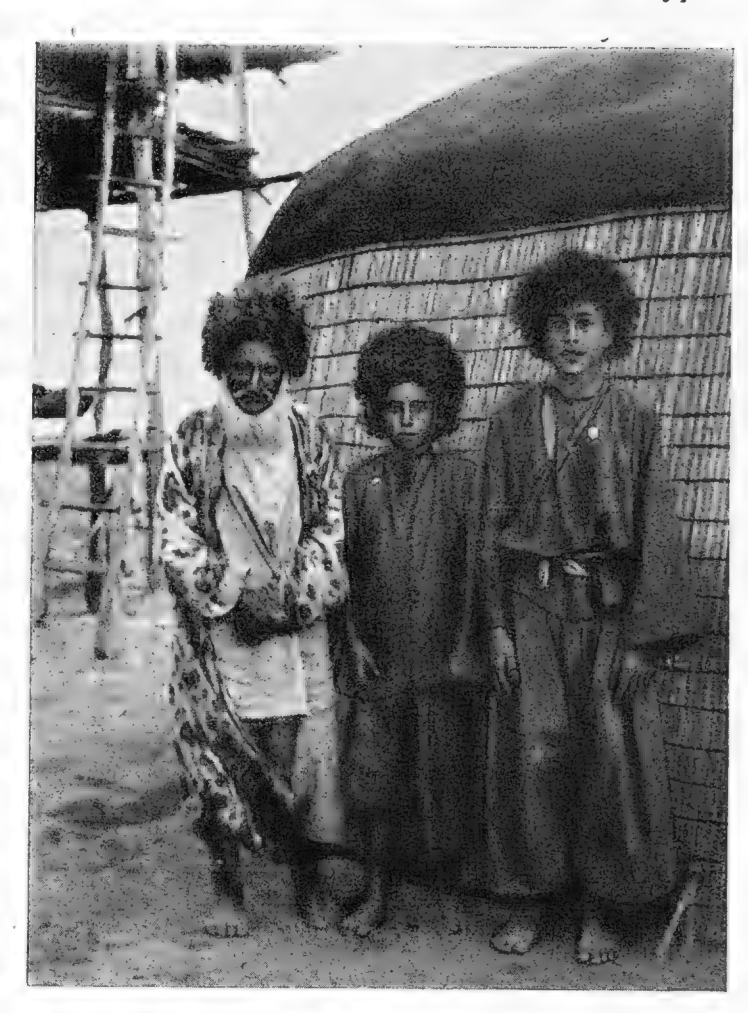
не устроены, что особенно замѣтно въ горахъ, гдѣ нерѣдко приходится ѣхать по совершенно непроѣзднымъ мѣстамъ, доступнымъ только худой, изморенной, но удивительно приспособленной для ѣзды по самымъ ужаснымъ тропинкамъ, персидской лошади. Въ такихъ мѣстахъ яснѣе всего обнаруживается, что къ дорогамъ здѣсь никогда никто рукъ не прикладываетъ и никто не пробуетъ привести ихъ въ болѣе возможное для проѣзда и даже прохода состояніе, а оставляются онѣ въ томъ видѣ, какъ ихъ дала готовыми человѣку природа. Общимъ зломъ для всѣхъ дорогъ является отсутствіе мостовъ; лѣтомъ, когда воды доходятъ до своего минимальнаго состоянія, это еще не особенная бѣда, кое-какъ можно всегда перебраться и черезъ степныя рѣки и арыки и черезъ горные ручьи, но зимой и весной, когда огромныя пространства степи заливаются, рѣки становятся глубокими и каждый арыкъ обращается въ рѣчку, а горные ручьи бѣшено ревутъ по ущельямъ, всякое сообщеніе совершенно прекращается даже на правомъ берегу Гюргена, гдѣ степныя дороги обращаются въ ужасную лессовую грязь и становятся совершенно непроѣздными. Остатки старины и тутъ указываютъ, что и дороги персидскія когда-то были въ другомъ состояніи; древніе мосты, которыми пользуются до сихъ поръ, и едва уже только замѣтные остатки капитальныхъ мостовъ, встрѣчающіеся въ иныхъ мѣстахъ, показываютъ, что когда-то здѣшнее населеніе не испытывало теперешнихъ затрудненій въ своихъ сообщеніяхъ, но общій регрессъ культуры, охватившій въ настоящее время всю страну сводитъ къ нулю и все то, что осталось отъ былыхъ временъ, теперешнее же состояніе персидскихъ дорогъ, конечно, также является одною изъ серьезныхъ причинъ, тормозящихъ развитіе персидской торговли и промышленности.

Туркменская часть населенія Астрабадской провинціи раздѣляется на два племени: Іомудовъ, населяющихъ запад-

Дорога по правому берегу Гюргена.

ную часть степи и Гоклановъ, живущихъ въ восточной ея части, а племена эти, въ свою очередь, дѣлятся на вѣтви, вѣтви на роды, а роды на семьи. Общій типъ туркменъ очень красивый, какъ мужской такъ и женскій, и вообще туркмены производятъ гораздо болѣе симпатичное впечатлѣніе, чѣмъ персы, въ отношеніяхъ же къ русскимъ, разница становится совершенно опредѣленной: открытый, разговорчивый, благожелательный туркменъ лучше относится къ русскому и болѣе съ нимъ сходится, чѣмъ сумрачный, скрытый, трусливый и лукавый персъ, всегда таящій за своимъ покорнымъ наружнымъ видомъ непріязненное отношеніе.

Туркмены-іомуды.

Граница между аулами Іомудовъ и Гоклановъ проходитъ вблизи Гумбета и даже еще точнѣе указываютъ на

р. Хорхоръ. Іомуды въ большинствѣ кочевники, Гокланы же въ большинствѣ осѣдлые, но, конечно, и то и другое не безъ исключеній, какъ напримѣръ, осѣдлые огромные аулы Іомудовъ—Хаджи-Нефесъ, Гумюшъ-Тепе, Омчалы, Бешъ-Уска и другіе, расположенные по берегу моря и вблизи него. Точное количество туркменъ, живущихъ въ Астрабадской провинціи, по племенамъ установить нельзя, общее же считается около 10.000 кибитокъ осѣдлыхъ и до 35.000 кибитокъ кочевыхъ. Какъ тѣ, такъ и другіе живутъ въ аулахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ десятковъ, а иногда и сотенъ кибитокъ съ обязательно поставленною около каждой изъ нихъ вышкою для спанья, чѣмъ наученные опытомъ долгихъ лѣтъ туземцы гарантируютъ себя до нѣкоторой степени отъ заболѣванія маляріей. Въ кочевыхъ аулахъ кромѣ этихъ кибитокъ никакихъ построекъ не возводится, въ осѣдлыхъ же ставятся кое-гдѣ сараи, протягиваются заборы, сажается кое-какая растительность, способная противостоять страшному зною туркменской степи и отсутствію въ ней влаги. Въ аулахъ расположенныхъ на лѣвомъ берегу Гюргена, у арыковъ или рѣчекъ, нерѣдко садятъ и деревья и тогда аулъ представляетъ уже красивую картину, не напоминая унылаго вида степныхъ кочевыхъ ауловъ, состоящихъ изъ кучи палимыхъ солнцемъ кибитокъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ среди безграничной степи на голой вытоптанной, ровной площади, безъ всякаго признака какой-нибудь растительности. Пріятное впечатлѣніе еще усиливается видомъ разбросанныхъ вокругъ осѣдлаго аула полей и огородовъ, окаймленныхъ арыками, по берегамъ которыхъ плотною стѣною высятся тростники и густо разростается ежевика. Осѣдлые туркмены довольно успѣшно занимаются земледѣліемъ и особенно бахчами, на которыхъ около Гумбета ими разводятся такія дыни, которыя нисколько не уступаютъ прославленнымъ Чарджуйскимъ. Въ поляхъ около ауловъ сѣютъ пшеницу, ячмень,

Степь около Гумбета.

хлопокъ, а рисовыя поля всѣхъ осѣдлыхъ туркменъ лѣваго берега Гюргена находятся въ одномъ мѣстѣ, очень удобномъ для этого, благодаря тому, что когда-то тутъ были устроены искусственныя водохранилища: одно, занимавшее громадную площадь между притоками Гюргена Чагорлы-су и Кара-текенъ и другое, меньшихъ размѣровъ, которымъ вѣроятно р. Кара-текенъ запиралась. Первое носитъ названіе Эймуръ, а второе Коченъ-наурэ. Наурэ—это вообще названіе древнихъ искусственныхъ водохранилищъ, остатковъ которыхъ, поражающихъ въ большинствѣ случаевъ своими размѣрами, на лѣвомъ берегу Гюргена встрѣчается очень много. Изъ нихъ Эймуръ и Коченъ-наурэ сохранились до нашихъ дней въ видѣ огромныхъ болотъ, которыя и утилизируются туркменами для рисовыхъ полей.

Туркменская кибитка.

Кочевые туркмены занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ, преимущественно овцеводствомъ; ихъ громадныя стада овецъ, охраняемыя пастухами верхомъ на осликахъ и особыми туркменскими собаками, которыхъ во всякомъ аулѣ превеликое множество, бродятъ по всей степи, гдѣ есть вода и хотя не много травы. Рогатаго скота гораздо меньше и вида онъ довольно плохого, но

что у туркменъ великолѣпно, такъ это лошади. Коневодство стоитъ у нихъ очень высоко и занимаются они имъ по любительски. Туркменскія лошади крупны, складны, съ прекрасными ногами и обладаютъ великолѣпными аллюрами. Цѣнятся они довольно высоко: хорошая лошадь стоитъ не менѣе 150 тумановъ (туманъ—1 р. 70 к.), т. е.

Туркменское стадо овецъ.

225 рублей, но чуть лошадь чѣмъ нибудь выдается, цѣна ея страшно поднимается и, напримѣръ, у консула былъ жеребецъ, за котораго онъ заплатилъ 400 тумановъ и шелковый халатъ, но за то и лошадь эта почти идеальной красоты и удивительной рѣзвости. Туркмены большіе любители устраивать скачки, которыя, благодаря соприкосновенію съ европейской жизнью, пріобрѣли теперь спортсменскій характеръ и изъ дикаго и безтолковаго скаканія

обратились въ настоящія скачки. Очень красивую картину представляетъ собой ежедневная вечерняя проѣздка; когда спадаетъ жаръ, туркмены снимаютъ съ своихъ лошадей попоны, которыми они накрываются днемъ для защиты отъ солнца, сѣдлаютъ ихъ, нерѣдко прямо драгоцѣнными, сѣдлами и выѣзжаютъ въ степь проѣхаться и вотъ тутъ то

Туркменскія лошади.

можно налюбоваться туркменскими лошадьми и дать имъ правильную оцѣнку. Ѣздятъ туркмены, какъ и персы, исключительно на жеребцахъ, мериновъ нѣтъ вовсе, а на кобылу порядочный туркменъ никогда не сядетъ.

Землею туркмены пользуются безгранично, такъ какъ считаютъ, что вся степь не только въ предѣлахъ Персіи, но и за Атрекомъ, т. е. въ нашей Закаспійской области, принадлежитъ имъ, а такъ какъ они народъ храбрый и

воинственный, то они и выжили изъ какъ бы имъ принадлежащей степи всѣхъ персовъ. Однако персидское правительство не признаетъ за ними правъ на землю, но сдѣлать съ ними ничего не можетъ, потому что при малѣйшей попыткѣ его наложить на нихъ руку, туркмены переходятъ русскую границу и начинаютъ себя считать русскими подданными, когда же правительство ничѣмъ себя не проявляетъ, они опять возвращаются въ степь и кочуютъ въ ней на правахъ хозяевъ.

Вопросъ объ ихъ правахъ на земли вызвалъ разногласіе между консуломъ, стоящемъ на точкѣ зрѣнія персидскаго правительства, и комиссаромъ, признающимъ за туркменами права на владѣніе завоеванной ими землей. Разногласіе это пока не разрѣшается никакимъ способомъ.

Изъ всѣхъ туркменскихъ ауловъ наибольшее значеніе имѣетъ Хаджи-Нефесъ, въ которомъ, какъ приморскомъ пунктѣ, сосредоточивается главнымъ образомъ вся туркменская торговля. Туркмены вообще склонны къ занятію ею, къ тому же они недурные моряки и прекрасные контрабандисты, а въ Хаджи-Нефесѣ всѣ эти качества находятъ себѣ примѣненіе.

Хаджи-Нефесъ раскинулся по обоимъ берегамъ Гюргена, черезъ который здѣсь перекинутъ мостъ, верстахъ въ 3-хъ отъ впаденія его въ море, Населеніе его состоитъ изъ 300 приблизительно кибитокъ, но здѣсь выраженіе это надо понимать иносказательно, такъ какъ въ кибиткахъ, въ прямомъ значеніи этого слова, живетъ едва ли половина населенія, остальные живутъ въ деревянныхъ домахъ, типъ которыхъ, съ широкими крытыми балконами, заимствованъ ими отъ расположенныхъ у устья рѣки Кара-су русскихъ рыбныхъ промысловъ. Хаджи-Нефесъ стоитъ на самомъ рубежѣ сухой степи и заболоченнаго морского прибрежья, которое представляетъ собою великолѣпныя пастбища для скота, поэтому влаги въ немъ достаточно и зем-

Хаджи-Нефесъ.

ледѣліемъ заниматься можно съ успѣхомъ. Бахчи вокругъ него прекрасныя, но хлопокъ, который здѣсь не поливали, только удовлетворительный. Гюргенъ имѣетъ здѣсь глубину болѣе сажени и шириною до 16 саженъ, бара при выходѣ въ море, какъ говорятъ, не имѣетъ, почему морскіе лодки въ него свободно проходятъ и становятся въ самомъ аулѣ; на нихъ привозятся всевозможные товары, составляющія предметы торговли Хаджи-Нефеса, изъ Бендеръ-Геза, а отчасти, минуя всякія таможни, и прямо изъ русскаго Чикшиляра, откуда лодки, заканчивая свой путь, проскальзываютъ въ Гюргенъ подъ защитой ночной темноты, а это обстоятельство дѣлаетъ совершенно понятнымъ то неблагожелательное отношеніе Бендергезской таможни къ Хаджи-Нефесу и его обитателямъ, какое нерѣдко проглядываетъ въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ. Благодаря глубинѣ Гюргена и свободному входу въ него съ моря, Хаджи-Нефесъ обѣщаетъ со временемъ обратиться въ портъ съ лучшими условіями доставки товаровъ, чѣмъ Бендеръ-Гезъ, и тогда онъ, вѣроятно, привлечетъ къ себѣ и ту часть туркменской ввозной и вывозной торговли, которая въ настоящее время оттягивается отъ него ауломъ почти настолько же крупнымъ и такого же типа—Гумюшъ-тепе, расположенномъ на старомъ, пересохшемъ руслѣ Гюргена, а отчасти и ауломъ Омчалы, верстахъ въ 18 отъ Хаджи-Нефеса вверхъ по теченію Гюргена.

Хаджи-Нефесъ служитъ естественнымъ пунктомъ высадки большей части русскихъ переселенцевъ, такъ какъ отсюда удобнѣе всего проѣхать до Гумбета, въ районъ котораго они главнымъ образомъ направляются, да кромѣ того здѣсь же высаживаются и тѣ изъ нихъ, кто боится таможенной возни въ Бендеръ-Гезѣ и его плохого сообщенія съ Карасу и предпочитаетъ имъ высадку съ парохода въ туркменскихъ лодкахъ. Она и вообще то не очень удобна, въ тѣхъ же случаяхъ, когда переселенецъ прибы-

ваетъ со всѣмъ домашнимъ скарбомъ и даже со скотиною, такой способъ высадки бываетъ сопряженъ и съ рискомъ, особенно когда море не спокойно. О числѣ прибывающихъ въ Персію переселенцевъ судить очень трудно, потому что всѣ разсказы объ ихъ будто бы громадномъ наплывѣ относятся къ прошедшему уже времени и установить достовѣрность ихъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ въ большинствѣ приходится слышать ихъ отъ людей такъ или иначе заинтересованныхъ въ преувеличеніи размѣровъ персидскаго переселенія. Въ 1914 же году приливъ переселенцевъ былъ и до войны очень не великъ. Только немногіе ѣдутъ въ Персію по письмамъ или со словъ людей, побывавшихъ уже тамъ, и заранѣе знаютъ куда имъ надо направиться и что дѣлать, чтобы поселиться, большинство же пріѣзжаетъ туда какъ въ незнакомый лѣсъ и совершенно растеривается, когда видитъ, что подбившія его къ переселенію газетныя статьи о массѣ пустующихъ земель безъ хозяевъ и о полной возможности селиться всюду безъ всякой платы или за гроши, безъ риска быть согнанными съ облюбованнаго мѣста, оказываются совершенно лживыми. Проектировать какія либо мѣры противъ этого перваго разочарованія, испытываемаго переселенцемъ тотчасъ же послѣ высадки, чрезвычайно трудно, такъ какъ, съ одной стороны, еще ранѣе начавшагося переселенія въ Персію, въ Астрабадской провинціи свила себѣ прочныя гнѣзда создавшая его земельная спекуляція, съ другой же, какъ пишетъ Могилевъ въ своей книгѣ „Новая Апельсинія“, „въ странѣ безправія аппетиты быстро разыгрываются“, а при такихъ условіяхъ, единственная мѣра, которая, казалось бы, могла быть полезною — сообщеніе прибывающимъ переселенцамъ недостающихъ имъ свѣдѣній, въ концѣ концовъ сведется къ зазыванію или рекомендаціи и къ еще большему оживленію той же земельной спекуляціи. Къ этому надо еще внести

поправку: дѣло въ томъ, что условія, въ которыхъ поставлена въ настоящее время покупка персидскихъ земель, совершенно не обезпечиваютъ прочности владѣнія, а слѣдовательно и давать совѣты переселенцамъ, какъ пріобрѣтать земли, зная что право владѣнія ими легко можетъ быть нарушено, можетъ развѣ только частное лицо.

Запутанность земельнаго вопроса въ Персіи изумительная. Начать съ того, что въ Персіи безспорныхъ земель нѣтъ и быть при настоящихъ условіяхъ не можетъ, такъ какъ, какъ бы ни казалось прочнымъ владѣніе землей, никому не возбраняется начать отсуживать ее отъ владѣльца, запасшись для этого какими-нибудь плохенькими, даже и фальшивыми, документами, или показаніями добросовѣстныхъ свидѣтелей; такое начинаніе далеко не безнадежно и, если у отсуживающаго денегъ больше, чѣмъ у собственника земли, онъ можетъ добиться признанія правъ на землю за нимъ, а не за настоящимъ ея владѣльцемъ. Возможность такого положенія объясняется отсутствіемъ въ Персіи судебныхъ установленій и какой-либо организаціи въ родѣ нашего института нотаріусовъ, а то обстоятельство, что по персидскимъ законамъ давность владѣнія не имѣетъ значенія, а также полный произволъ рѣшающей земельные споры администраціи создаютъ для него чрезвычайно благопріятную почву. Всѣ земельные споры рѣшаются духовными лицами, руководствующимися при этомъ законами шаріата и обычнымъ правомъ, но еще болѣе соображеніями о богатствѣ, силѣ и вліяніи тяжущихся сторонъ, въ соотвѣтствіи съ которыми и постановляется ими рѣшеніе, далеко не окончательное, такъ какъ недовольной имъ сторонѣ никто не мѣшаетъ обратиться къ другимъ духовнымъ лицамъ, которые, руководствуясь иными соображеніями о положеніи тяжущихся, могутъ постановить рѣшеніе совершенно противоположное,

такъ что у обѣихъ судящихся сторонъ могутъ быть одновременно на рукахъ рѣшенія каждому въ его пользу. Исполнительныхъ органовъ не существуетъ и поэтому въ концѣ концовъ въ такихъ случаяхъ споръ сводится къ рѣшенію его дѣйствительною силою; если же къ ней прибѣгать не желаютъ, то переносятъ его на рѣшеніе губернатора, но дѣло отъ этого не выигрываетъ, такъ какъ соображенія у губернатора тѣ же самыя, что и у духовныхъ лицъ, и рѣшеніе его ставится въ такой же отъ нихъ зависимости, съ тою только разницей, что губернаторъ имѣетъ возможность привести свое рѣшеніе въ исполненіе и тогда пострадавшей сторонѣ остается только терпѣливо ждать смѣны губернатора и возможности обратиться, собравшись съ силами и деньгами, къ новому лицу за новымъ рѣшеніемъ. Иногда дожидаются такимъ образомъ двѣ-три смѣны губернаторовъ, а тамъ глядишь, и удастся вернуть потерянное и переложить обязанность терпѣливаго ожиданія съ себя на своего противника,—такъ какъ рѣшенія предшественниковъ для губернаторовъ не обязательны и они имѣютъ право перерѣшать дѣла, совершенно не принимая ихъ въ соображеніе. Такимъ образомъ, рѣшенія по всѣмъ земельнымъ вопросамъ являются весьма шаткими и всѣ земли въ Персіи подлежатъ спору.

Не меньшее зло для земельныхъ отношеній составляетъ и существующій порядокъ покупки или продажи земель; подобныя сдѣлки совершаются у духовныхъ лицъ, которыя только свидѣтельствуютъ, что данная сдѣлка совершена, въ разсмотрѣніе же вопроса о правахъ продающаго на землю они не входятъ, довольствуясь предъявленіемъ со стороны его какихъ-либо подтверждающихъ право владѣнія документовъ, а такъ какъ купчихъ крѣпостей нѣтъ и документы могутъ быть очень разнообразны, то понятно, что во многихъ случаяхъ мулламъ приходится свидѣтельствовать сдѣлки по продажѣ земель лицами, имѣю-

щими весьма сомнительныя права на владѣніе ими. Дѣло еще болѣе усложняется тѣмъ, что почти никогда имѣніе не принадлежитъ одному лицу, но всегда нѣсколькимъ, иногда очень многимъ; подъ Ашрефомъ, напримѣръ, имѣется земля, принадлежащая 169 лицамъ. Происходитъ это потому, что каждое персидское отдѣльное землевладѣніе дѣлится, по числу элементовъ владѣнія, на 6 долей участія, называемыхъ „дангами", при чемъ по обычному праву двумя дангами въ одномъ имѣніи владѣть нельзя, и такимъ образомъ сразу же получается 6 владѣльцевъ одного имѣнія, изъ которыхъ каждый владѣетъ не одной шестой частью имѣнія, но однимъ изъ элементовъ владѣнія, т. е. одному изъ совладѣльцевъ принадлежитъ земля имѣнія, другому вода въ томъ же имѣніи, третьему лѣсъ и т. д.; каждый „дангъ" дѣлится, въ свою очередь, на 20 „дзеновъ", т. е. опять же долей участія во владѣніи однимъ изъ элементовъ, и, слѣдовательно, 120 владѣльцевъ одного имѣнія могутъ быть совершенно нормальнымъ путемъ. Такая сложная система, установленная когда-то шаріатомъ для избѣжанія возможности, съ одной стороны, дѣленія имѣній, а съ другой, чрезмѣрнаго обогащенія отдѣльныхъ лицъ, ведетъ къ страшной запутанности земельныхъ отношеній, а, взятая вмѣстѣ съ существующими условіями продажи имѣній и съ полнымъ отсутствіемъ безспорныхъ владѣній, дѣлаетъ покупку земли въ Персіи предпріятіемъ чрезвычайно рискованнымъ и невѣрнымъ. Прямымъ результатомъ подобной запутанности является масса земельныхъ тяжбъ, отъ которыхъ страдаютъ и русскіе предприниматели; почти всѣ купившіе въ Персіи земли въ настоящее время судятся либо между собою, либо съ персами: кто купилъ имѣніе, да попался на томъ, что вода въ этомъ имѣніи оказалась не его, у кого часть купленной земли покрывается чужою покупкою, а кто и совсѣмъ купилъ землю у перса, къ имѣнію никакого отно-

шенія не имѣвшаго. Но на этомъ трудность и неопредѣленность земельныхъ пріобрѣтеній въ Персіи далеко не кончается; дѣло осложняется еще двумя обстоятельствами: первое изъ нихъ — полное отсутствіе плановъ, о которыхъ здѣсь никто не имѣетъ и понятія, и опредѣленныхъ указаній въ документахъ на величину имѣній; размѣры земель опредѣляются въ нихъ указаніемъ границъ, иногда совершенно неопредѣленныхъ и по легко измѣняющимся и давно уже измѣнившимся урочищамъ, вслѣдствіе чего не рѣдки случаи очень серьезныхъ сюрпризовъ, когда послѣ покупки имѣнія оказывается, что въ немъ противъ увѣреній продавца не хватаетъ кисметовъ съ тысячу (кисметъ — персидская земельная мѣра, равная приблизительно 2.255—2.270 кв. саженямъ; приблизительно потому, что въ основу кисмета положена персидская мѣра „заръ“, равная ни болѣе, ни менѣе, какъ разстоянію отъ кисти руки человѣка до конца носа, когда голова повернута въ противоположную сторону; естественно, что при такой основной мѣрѣ всѣ остальныя будутъ только приблизительныя). Второе обстоятельство заключается въ томъ, что неопредѣленность землевладѣнія была учтена и разными темными дѣльцами, которые являлись сюда не для покупки земли, а для покупки какого-нибудь документика, все равно — хотя бы и фальшиваго, или какой-нибудь части дзена для того, чтобы потомъ явиться къ новому владѣльцу имѣнія, когда уже покупка состоялась, и сорвать съ него отступное, которое, во избѣжаніе тяжбы, да еще персидской, всегда приходится платить, хотя это вовсе не гарантируетъ, что завтра на мѣсто владѣльца одной сороковой части воды въ имѣніи не явится какой-нибудь обладатель стариннаго шахскаго фирмана, въ которомъ хотя однимъ словомъ упоминается купленное имѣніе; такихъ обстоятельствъ совершенно достаточно для начатія тяжбъ и уже лучше заплатить совершенно не разсчитан-

ное отступное, чѣмъ впутываться въ длительную и нудную исторію съ персидскимъ судомъ.

Съ туркменскими землями дѣло обстоитъ не лучше: также здѣсь на каждую площадь имѣется нѣсколько хозяевъ, число которыхъ пропорціонально ея величинѣ, и также, слѣдовательно, для покупки земли приходится имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ владѣльцевъ, доходящихъ при большихъ площадяхъ до нѣсколькихъ тысячъ; также существуетъ масса земельныхъ споровъ, также эти споры и тяжбы легко могутъ возникать уже послѣ совершенія покупки, но одно обстоятельство является уже новымъ: дѣло въ томъ, что туркмены считаютъ землю своей собственностью, и на такой же точкѣ зрѣнія стоитъ и пограничный комиссаръ, признающій всѣ сдѣлки по продажѣ туркменами земель, а персидское правительство права собственности на земли за туркменами не признаетъ и считаетъ занятыя ими земли за предоставленныя въ ихъ пользованіе; чѣмъ кончится это разногласіе—неизвѣстно, а, слѣдовательно, неизвѣстно и то, стоятъ ли чего-нибудь всѣ эти сдѣлки по туркменскимъ землямъ.

ГЛАВА V.

Русскіе и нѣмецкіе поселки и русскій элементъ въ Астрабадской провинціи.— Заключеніе.

Совершенно естественно, что русскіе переселенцы, въ большинствѣ люди малоденежные, столкнувшись съ такою запутанностью, сразу же попадаютъ въ крайне тяжелое положеніе, особенно въ Консульскомъ районѣ; оказывается, что купить землю очень трудно и приходится или арендовать ее у персовъ, приблизительно на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ она сдается персидскимъ крестьянамъ, или же садиться на земли крупныхъ предпринимателей, почти всегда на условіяхъ совершенно неопредѣленныхъ. Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло въ районѣ Гумбета, гдѣ, при посредствѣ комиссара, туркменскія земли продаются проще и охотнѣе, чѣмъ персидскія, и форма, въ которую выливаются въ концѣ концовъ неопредѣленныя въ началѣ условія вполнѣ для переселенцевъ пріемлема. Условія, на которыхъ имъ продаются тамъ туркменскія земли, а также и земли русскихъ предпринимателей, таковы: каждой семьѣ предоставляется не болѣе 20 десятинъ по цѣнѣ 20 руб. за десятину; уплата въ 3 года, начиная обязательно съ четвертаго по поселеніи, при желаніи же хотя и съ перваго; первые же три года уплачивается арендная плата по 5 р. съ распаханной десятины. Отводятся земли при начавшихъ уже устраиваться поселкахъ, такъ что въ сущности, тутъ происходитъ причисленіе къ обществу поселка, при томъ съ обязатель-

ствомъ не продавать землю никуда, кромѣ своего же общества. Такія условія для переселенцевъ совершенно доступны, чѣмъ и объясняется, что русское переселеніе главнымъ образомъ сосредоточилось въ районѣ Гумбета. Но для безденежныхъ переселенцевъ и эти условія обременительны. Въ общемъ, положеніе прибывшаго въ Персію переселенца сильно разнится отъ тѣхъ радужныхъ красокъ, какими описывались прелести персидскаго переселенія въ газетныхъ статьяхъ, такъ сильно повліявшихъ на его развитіе. Трудность положенія настолько запугиваетъ нѣкоторыхъ, что заставляетъ возвращаться обратно изъ негостепріимной Персіи, но значительная часть прибывшихъ сюда переселенцевъ осѣла въ ней, образовавъ нѣсколько селеній, поселковъ и хуторовъ.

По самому берегу юго-восточнаго угла Каспійскаго моря, у впаденія въ него р. Кара-су, расположились рыбные промыслы Ліанозова и русскій поселокъ Кара-су. Промыслы эти, кажется, были первымъ русскимъ поселеніемъ въ сѣверной Персіи, и повидимому, разсказы побывавшихъ тутъ рабочихъ о плодородіи безграничныхъ персидскихъ степей, о тепломъ климатѣ, а главное объ отсутствіи хозяевъ земель и возможности селиться гдѣ хочешь, положили основаніе персидскому переселенію, побудивъ къ нему первыхъ засельщиковъ поселка Кара-Су, расположившагося непосредственно рядомъ съ землями Ліанозовскихъ промысловъ. Поселокъ этотъ образовался еще въ 1907 году и именно такимъ способомъ: пріѣхали люди, высадились на берегъ, выстроили себѣ избы и стали распахивать землю, совершенно не интересуясь, есть ли у этой земли хозяева. Пріемъ оказался очень удачнымъ и сжить ихъ съ занятыхъ земель не удалось, благодаря отсутствію въ то время какой бы то ни было власти, которая была бы въ состояніи охранить интересы частнаго лица; въ настоящее же время вопросъ этотъ консуломъ разрѣшенъ такимъ образомъ, что

самовольцы все-таки оставлены на захваченномъ ими мѣстѣ, съ обязательствомъ уплатить стоимость занятой земли купившему ее еще ранѣе лицу, за которымъ признано право на владѣніе этимъ мѣстомъ, чуть ли не по крайне дешевой цѣнѣ первоначальной покупки; на уплату эту, при существующихъ въ Персіи порядкахъ, врядъ ли можно надѣяться, а до сихъ поръ за пользованіе землею они ничего не платили и сейчасъ не платятъ. Поселокъ Кара-су дѣлится на двѣ части; бо́льшая, состоящая исключительно изъ молоканъ, — растянулась по берегу моря доходящаго до самыхъ построекъ поселка, а въ меньшую, расположенную нѣсколько поодаль, выселилась немолоканская часть населенія, не выдержавшая совмѣстной жизни съ этими сектантами крайне отрицательныхъ качествъ. Всѣхъ жителей въ обѣихъ частяхъ поселка 345 душъ въ 59 семьяхъ; всѣ они земледѣльцы, имѣютъ скотъ въ достаточномъ количествѣ, распахиваютъ неограниченное количество земли и кромѣ того имѣютъ очень значительный подсобный промыселъ—извозный, развозя отсюда и изъ лежащаго въ 11 верстахъ Бендеръ-Геза по всей провинціи пассажировъ и товары; промыселъ этотъ даетъ имъ хорошій доходъ, такъ какъ они за свои перевозки, какъ монополисты, могутъ брать какія имъ угодно цѣны. Въ общемъ же насе-

Поселокъ Кара-су.

Поселокъ Кара-су.

леніе здѣсь зажиточное, хотя и живетъ крайне неряшливо и грязно, довольствуясь домами самой примитивной постройки. Молокане между собой довольно сплочены, понимая, что это выгодно, но къ постороннему, хотя бы и русскому, отношеніе ихъ гораздо хуже, чѣмъ у мусульманъ туркменъ, да даже и у персовъ къ гяурамъ—русскимъ. Чрезвычайно характерно ихъ отношеніе къ Красному Кресту: со студента, жившаго въ поселкѣ и лечившаго ихъ же отъ маляріи, молокане за скверную избу драли такую цѣну, за которую можно жить въ приличной комнатѣ въ Петроградѣ, и такъ обворовывали его, раскрадывая даже медикаменты, что принудили выѣхать изъ молоканской части поселка въ немолоканскую. Еще же характернѣе слѣдующій случай: изъ Кара-су въ Астрабадъ пріѣхалъ молоканинъ въ Красный Крестъ за фельдшерицей-акушеркой къ своей больной женѣ. Та сейчасъ же поѣхала, пробыла въ поселкѣ дня три, такъ какъ роды были очень трудные, сдѣлала все что требовалось и попросила отвезти ее обратно. Тогда ей была объявлена цѣна за доставку въ Астрабадъ, находящійся въ 40 верстахъ, въ 20 рублей, вдвое дороже, чѣмъ берутъ съ обыкновеннаго пассажира, и той, конечно, пришлось согласиться, такъ какъ при сплоченности молоканъ никто изъ нихъ за меньшую цѣну не повезетъ, немолоканская же часть населенія, меньшинство, находится въ загонѣ и идти противъ большинства не смѣетъ и въ результатѣ Красный Крестъ, по странной своей этикѣ, вмѣсто того чтобы поручить гулямамъ консульства съ честью проводить нахала, 20 руб. за доставку фельдшерицы уплатилъ. Такіе факты, далеко не единичные, особенно ярко характеризуютъ молоканъ и невольно является вопросъ, каково же должно быть ихъ отношеніе къ лицамъ совершенно для нихъ постороннимъ, если даже къ людямъ, связаннымъ съ ними заботами объ ихъ же здоровьѣ и благополучіи, они относятся такимъ образомъ.

Однимъ словомъ, сношенія съ молоканской частью населенія Кара-су оставляютъ по себѣ чрезвычайно непріятное впечатлѣніе.

Рядомъ съ пос. Кара-су огромную палестину захватили рыбные промыслы Ліанозова, о которыхъ хорошаго сказать можно не больше, чѣмъ и о Кара-суйскихъ молоканахъ, а нужно только упомянуть, что это богатое и многолюдное гнѣздо, какъ крѣпость огороженное со всѣхъ сторонъ высокимъ заборомъ, не признаетъ никакихъ законовъ и памятуя, что отсюда до Бога высоко, а до Царя далеко, дѣлаетъ, что ему угодно, и что безнаказанность его за всѣ дѣла и дѣлишки оказываетъ на русскихъ предпринимателей развращающее вліяніе.

Непосредственно за нимъ, на другомъ берегу рѣки Кара-су стоятъ остатки древней персидской крѣпости „Моллакала", выстроенной изъ обожженнаго кирпича, прекрасныя качества котораго заставляютъ сосѣдей старательно заниматься разборкой этихъ остатковъ для своихъ построекъ; одна стѣна совсѣмъ уже разобрана, отъ другой осталось не болѣе половины и со временемъ отъ этого памятника старины, по прочности постройки своей способнаго простоять еще вѣка, никакихъ слѣдовъ не останется.

Второй русскій поселокъ въ Астрабадскомъ районѣ пріютился верстахъ въ 7 отъ Астрабада по дорогѣ въ Кара-су, на землѣ родственника консула, офицера стоящей въ Астрабадѣ казачьей сотни, на берегу маленькой рѣчки, среди страшныхъ зарослей тростниковъ; отъ этого мѣстность тамъ крайне нездоровая и всѣ жители болѣютъ маляріей, но благодаря этому же, условія чрезвычайно благопріятны для земледѣлія и допускаютъ безъ полива получать прекрасные урожаи. Называется этотъ поселокъ „Мамаи" или „Якимазу" и состоитъ изъ 7 семей съ 38 душами. Условія, на которыхъ сѣли эти переселенцы обычныя, т. е. хозяину земли отдается опредѣленная часть

урожая, въ данномъ случаѣ 15%, но опредѣленности такія условія въ себѣ не заключаютъ, такъ какъ обыкновенно документами не закрѣпляются, а все ограничивается словеснымъ договоромъ. Въ данномъ случаѣ, конечно, переселенцы не рискуютъ, но обобщать этого нельзя, и при другихъ обстоятельствахъ, измученный поисками земли и вынужденный садиться на землю безъ опредѣленныхъ и закрѣпленныхъ документомъ условій, переселенецъ подвергается большому риску попасть въ вѣчные батраки къ предпринимателю.

Недалеко отъ этого поселка живетъ еще 4 русскихъ семьи, около 20 душъ, на землѣ арендуемой армяниномъ Агамирзаянцемъ, на условіяхъ уплаты ему 75% урожая, но зато владѣлецъ даетъ имъ скотъ, сѣмена и орудія.

Третій поселокъ въ районѣ консула, по старому названію „Саратовскій“, называвшійся такъ потому, что составился изъ выходцевъ Саратовской губерніи, а по новому „Константино-Ивановскій“ — состоитъ изъ 37 семей съ 158 душами. Расположился онъ въ мѣстности „Ширенга“ и сидитъ на землѣ, арендуемой у шейха Мамедъ-Багира, владѣющаго въ консульскомъ районѣ такимъ громаднымъ количествомъ земель, что почти всюду на вопросъ, чья земля, приходится получить отвѣтъ: Багиръ-хана. Безъ участія этого шейха не обходится почти ни одна покупка земли въ консульскомъ районѣ, и главныя земельныя сдѣлки совершены именно съ нимъ, при чемъ самъ Багиръ въ высшей степени остороженъ и безъ предварительнаго совѣта съ консуломъ не рѣшаетъ окончательно ни одной сдѣлки, даже при измѣненіи какихъ либо хотя бы незначительныхъ условій не даетъ своего согласія раньше, чѣмъ посовѣтуется съ консуломъ, при чемъ, какъ говорятъ, совѣты консула онъ ставитъ такъ высоко, что поступать не въ согласіи съ ними никогда не рѣшается. Условія, на которыхъ саратовцы сняли въ аренду землю

таковы: отдана земля въ количествѣ 5000 кисметовъ (около 4700 десятинъ) на 100 лѣтъ съ платою по 2 тумана (3 р. 40 к.) въ годъ за засѣянный кисметъ въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ и по 3 тумана (5 р. 10 к.) во всѣ послѣдующіе годы, при чемъ, сколько бы ни было засѣяно, считается на первомъ году засѣяннымъ 300 кисметовъ, на второмъ 400, третьемъ—500 и т. д. до 1000, послѣ чего саратовцы пріобрѣтаютъ право не увеличивать болѣе запашку, если же увеличиваютъ, то платятъ по той же цѣнѣ съ каждаго сверхъ 1000 распаханнаго кисмета. Пользованіе лѣсомъ и сѣнокосами, входящими въ арендованную площадь, а также право на распашку 200 кисметовъ, въ первый годъ сверхъ трехсотъ, платой не облагаются самъ же Багиръ-ханъ оставилъ за собою право разъ въ 30 лѣтъ вырубать 20% всего лѣса.

Условія эти полностью соблюдены быть не могутъ и должны быть измѣнены въ зависимости отъ того измѣненія, которое уже произошло съ самаго начала. Дѣло въ томъ, что сдано было въ аренду 5000 кисметовъ, но такъ какъ плановъ не имѣется, размѣры земли при сдѣлкахъ опредѣляются только совершенно неопредѣленными границами, а площадь указывается та, которая считается, то и оказалось, когда землю обмѣрили, что въ данномъ случаѣ сдано не 5000 кисметовъ, а только 2500 десятинъ (около 2660 кисметовъ). Обманутые въ своихъ расчетахъ саратовцы потребовали у Багиръ-хана прирѣзки недостающей части, что сдѣлать было вполнѣ возможно, такъ какъ у Багира, рядомъ съ землями Саратовскаго поселка и за исключеніемъ всѣхъ проданныхъ русскимъ предпринимателямъ остаются еще огромныя земли, и въ концѣ концовъ Багиръ-ханъ прирѣзалъ имъ кусокъ земли въ сосѣдней мѣстности „Кемальханъ“, послѣ чего всю площадь взятой въ аренду земли саратовцы считаютъ въ 3000 десятинъ. Результатомъ этого основного измѣненія договора должно

Поселокъ Саратовскій.

быть измѣненіе всѣхъ его условій, что предполагается сдѣлать пропорціонально количеству десятинъ.

Саратовцамъ очень хочется купить эту землю въ собственность и они думаютъ, что имъ ее отдали бы при расчетѣ на наличныя деньги рублей по 20—25 за десятину, но средствъ на это, какъ они говорятъ, не имѣютъ и возлагаютъ надежды на содѣйствіе банка, будучи увѣрены, что современемъ такое содѣйствіе можетъ быть имъ оказано.

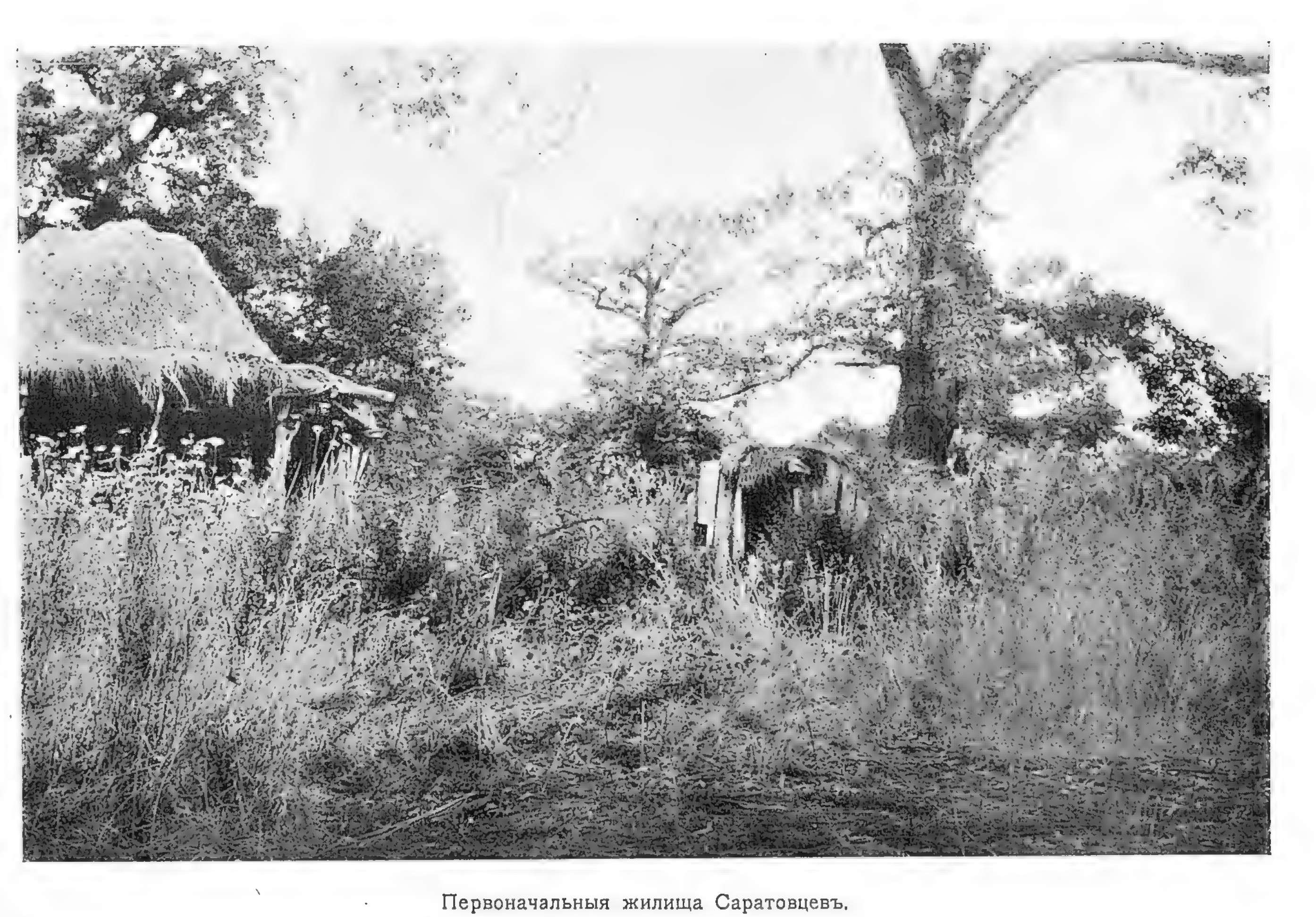
Саратовскій поселокъ представляетъ собою паевое товарищество и вся земля, при расчетѣ на 5000 кисметовъ, должна была раздѣлиться на 80 паевъ по 60 десятинъ каждый. Основался онъ уже во второй разъ, въ первый же и самое товарищество, въ заправилы котораго попали завѣдомые мошенники, лопнуло, такъ какъ всѣ товарищескія деньги, по обычаю, изъ кассы исчезли, оставивъ вмѣсто себя векселя предсѣдателя правленія и его товарищей, и самое населеніе первоначальнаго поселка почти все вымерло отъ маляріи. По неопытности старые саратовцы выбрали мѣсто для поселка очень веселое и красивое, большую поляну на берегу рѣчки въ лѣсу, но для здоровья оно оказалось страшно губительнымъ и въ продолженіе 9 мѣсяцевъ изъ 110 человѣкъ умерло 60, послѣ чего послѣднія семьи убрались оттуда и перебрались въ сосѣднее имѣніе Бялоновича, гдѣ потеряли еще 13 человѣкъ.

Вновь основанное товарищество производитъ среди персидскаго безлюдья пріятное впечатлѣніе своею готовностью работать и своимъ сравнительно высокимъ уровнемъ сельскохозяйственной подготовленности, но сказать что оно долго просуществуетъ, конечно, нельзя.

Земли, арендованныя саратовцами, находятся въ весьма благопріятныхъ условіяхъ: близость горъ, большое количество влаги, даваемое ими, и близкое присутствіе болотъ, въ которыя обратились старинныя водохранилища, даютъ

возможность получать прекрасные урожаи хлѣбовъ и травъ, а во многихъ, вѣроятно, мѣстахъ и безполивного хлопка. Особенно благопріятное впечатлѣніе производитъ богатѣйшая степь въ новой savepointприрѣзкѣ изъ урочища „Кемальханъ", расположенная въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ горами; судя по богатству дикой растительности на этой площади, можно предполагать, что именно эта мѣстность и составитъ въ будущемъ житницу Саратовскаго поселка. Вода для необходимаго все-таки частичнаго орошенія получается изъ древнихъ кяризовъ, сохранившихся почти въ исправности, въ достаточномъ количествѣ; если же систему ихъ привести въ полный порядокъ ея должно быть въ изобиліи. Вообще на землѣ Саратовскаго поселка встрѣчается много остатковъ старыхъ временъ процвѣтанія Персіи; громадныя водохранилища, цѣлыя системы заплывшихъ теперь арыковъ и заброшенныхъ кяризовъ, остатки кладбищъ на курганѣ въ степи и особенно интересные по степени своей сохранности, подъ названіемъ „Сенгимармаръ", въ лѣсу, отдѣляющемъ степь, на которой стоитъ поселокъ, отъ новой прирѣзки.

Поселокъ въ настоящее время находится въ періодѣ устройства: воздвигаются дома, распахиваются земли, проводятся дороги и т. п., и производитъ онъ очень благопріятное впечатлѣніе, отрицательною же стороною является крайнее смѣшеніе составляющихъ его элементовъ: православные, старообрядцы, молокане, еврействующіе молокане, баптисты, адвентисты 7-го дня и т. д., всѣ имѣютъ здѣсь своихъ представителей и, хотя они и считаютъ себя вѣротерпимыми, но на самомъ дѣлѣ все-таки относятся къ послѣдователямъ другихъ сектъ не такъ, какъ къ своимъ одновѣрцамъ, а это не можетъ не отзываться на прочности товарищества и, вѣроятно, со временемъ приведетъ его къ распаденію, если оно ранѣе еще не придетъ къ обычному концу всѣхъ такихъ товариществъ.

Первоначальныя жилища Саратовцевъ.

Кромѣ этихъ поселковъ, русскій элементъ въ консульскомъ районѣ имѣлся лѣтомъ 1914 г. еще въ Хаджи-Нефесѣ, 30 душъ въ 6 семьяхъ, частью переселенцевъ, ждущихъ возможности устроиться, частью ремесленниковъ, частью какихъ то людей безъ опредѣленныхъ намѣреніи; въ Бендеръ-Гезѣ душъ 50 рабочихъ и частью торговцевъ; въ имѣніи консула „Баба-гульме“ 24 души сельскохозяйственныхъ рабочихъ и въ имѣніи Бялоновича человѣкъ 20 рабочихъ. Надо сказать, что эта часть русскаго населенія является крайне неустойчивой и, если уже и въ поселкахъ количество его подвержено значительнымъ колебаніямъ, то тутъ оно можетъ мѣняться чрезвычайно быстро и весьма въ широкихъ предѣлахъ, такъ что приведенныя цифры относятся только къ данному моменту и могутъ дать основаніе только для приблизительныхъ соображеній.

Кромѣ русскихъ поселковъ, въ консульскомъ районѣ основался еще поселокъ „Нѣмецкій“, верстахъ въ 15 отъ пос. Кара-су, по правую руку отъ дороги въ Астрабадъ, у самаго почти лѣса, протянувшагося по теченію р. Кара-су. Состоитъ онъ изъ 21 семьи съ 150 душами нѣмцевъ, русскихъ подданныхъ, выходцевъ, главнымъ образомъ, изъ Таврической губерніи, и устроился на заарендованной изъ $^1/_7$ части урожая на 40 лѣтъ землѣ въ количествѣ 1500 десятинъ. Ходитъ слухъ, что въ ихъ числѣ есть и настоящіе нѣмцы, германскіе подданные, но провѣрить эти слухи очень трудно, сами же они, конечно, такое обстоятельство отрицаютъ. Глава этого поселка, нѣкій Эвертъ, усиленно хлопоталъ о покупкѣ рядомъ съ Саратовскимъ поселкомъ части Кемальхана, оставшейся свободною послѣ прирѣзки, для имѣющихъ прибыть еще въ будущемъ нѣмецкихъ семей, изъ той же Таврической губерніи, какъ говоритъ самъ Эвертъ. Живутъ эти нѣмцы очень зажиточно, хотя и жалуются, что арендовали земли мало и приходится тѣс-

ниться, хозяйство ведутъ отлично и, какъ сами говорятъ, получаютъ хорошій доходъ.

Такимъ образомъ, въ консульскомъ районѣ можно считать болѣе постояннаго русскаго населенія въ поселкахъ 104 семейства съ 560 душами и около 150 [1]) душъ элемента неустойчиваго, а всего около 700 душъ. Кромѣ того нѣмцевъ 150 душъ.

Чтобы перебраться въ Гумбетскій районъ, отъ Саратовскаго поселка слѣдуетъ ѣхать на нѣмецкій поселокъ „Александровскій", отстоящій отъ него верстъ на 15. Этотъ поселокъ расположился уже въ совершенной степи, верстахъ въ 15 отъ горъ и, значитъ, природныя условія его значительно рискованнѣе, чѣмъ въ Саратовскомъ. Въ іюлѣ 1914 года онъ находился въ самомъ разгарѣ постройки, къ которой раньше нѣмцы не приступали, такъ какъ, хотя имъ и было указано комиссаромъ мѣсто для поселенія, когда они въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прибыли въ Персію, но условія были настолько неопредѣленны, что они совершенно не были увѣрены въ устойчивости своего поселенія и, боясь приступить къ постройкамъ, жили въ палаткахъ. Затѣмъ они въ іюнѣ заручились формальнымъ обѣщаніемъ комиссара уладить дѣло съ хозяевами земли на обычныхъ для Гумбетскаго района условіяхъ, о которыхъ сказано выше, и сразу же начали строиться. На-лицо въ поселкѣ 16 семействъ, душъ около 90, но ожидаютъ прибытія еще 16. Мѣсто для поселка нѣмцы считаютъ очень удобнымъ, вполнѣ обезпеченнымъ водою изъ рѣчки и нѣсколькихъ колодцевъ съ прекрасной водою на глубинѣ въ $4^1/_2$ арш. и, хотя въ настоящемъ году они изъ-за позднято прибытія ничего не сѣяли и поэтому данныхъ для сужденія о буду-

---

[1]) 150, а не 125 считается потому, что въ числѣ рабочихъ въ имѣніяхъ предпринимателей, по полному недостатку свѣдѣній, не приведено число рабочихъ на хуторѣ Красноводскаго землеѣльческаго товарищества. Судя по размѣрамъ хутора, рабочихъ на немъ, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ у Бялоновича.

щихъ урожаяхъ не имѣли, тѣмъ не менѣе были увѣрены, что хозяйство пойдетъ хорошо. Скота имѣютъ до 50 головъ, купленныхъ уже здѣсь, но жаловались на очень плохой удой, что объясняли отчасти грубостью кормовъ, родящихся на не знавшей никогда никакой культуры степи, а отчасти некультурностью самого скота.

Нѣсколько посѣвернѣе Александровскаго поселка видны остатки шалашей и нѣсколько возводимыхъ построекъ купившихъ тутъ землю, въ количествѣ около 4000 десятинъ, четырехъ семействъ менонитовъ, какъ говорятъ Александровскіе нѣмцы, очень богатыхъ; они также жили въ шалашахъ до того времени, пока вопросъ о покупкѣ не былъ совершенно рѣшенъ, и только послѣ того приступили къ постройкамъ. Прибыли они въ Персію почти одновременно съ нѣмцами, при чемъ привели съ собой скотъ изъ Россіи, но и на этомъ скотѣ грубость здѣшнихъ кормовъ отзывается сильнымъ пониженіемъ его удойливости.

Верстахъ въ 5 къ востоку отъ Александровскаго поселка, на такой же гладкой и ровной степи, стоитъ русскій поселокъ Рождественскій, состоявшій въ іюлѣ изъ 10 семействъ съ 50 душами. Какъ разсказывали рождественцы, здѣсь, по ихъ предположеніямъ, должно было поселиться всего 40—50 семей, но въ дѣйствительности пріѣхало сюда 16, которыя и заняли это мѣсто по указанію комиссара, обѣщавшаго уладить дѣло съ хозяиномъ земли, персомъ, о сдачѣ ея рождественцамъ въ аренду изъ $^1/_{10}$ части урожая. Положившись на это, 16 семей сѣли здѣсь и выстроили дома, а тогда имъ было объявлено, что хозяинъ на такія условія не идетъ, а соглашается продать землю по цѣнѣ 50—40 руб. за десятину; это измѣненіе заставило 6 семей, не имѣвшихъ никакихъ средствъ для покупки, покинуть это мѣсто и идти искать болѣе подходящихъ для себя условій, а 10 пока остались въ надеждѣ, что удастся добиться или аренды или значитель-

наго пониженія цѣны, но и эти 10 семействъ въ іюлѣ были совершенно готовы покинуть поселокъ, если не удастся добиться такого соглашенія, къ чему ихъ, повидимому, еще болѣе побуждала та неудача, какую имъ пришлось испытать въ первый же годъ здѣшняго хозяйничанья. Дѣло въ томъ, что хозяйственныя условія поселка Рождественскаго, несмотря на отсутствіе орошенія, совершенно благопріятны, благодаря находящимся невдалекѣ древнимъ водохранилищамъ, и сейчасъ наполняющимся весной водою и держащимъ ее почти все лѣто, и, казалось бы, урожаи тутъ должны быть обезпечены; и дѣйствительно всходы пшеницы и хлопка были превосходные, но когда пшеница была уже почти готова, напали на посѣвы мыши и съѣли дочиста и пшеницу и хлопокъ, такъ что, вмѣсто ожидаемаго богатаго урожая, рождественцы не собрали и сѣмянъ. Такая неудача отчасти отбила ихъ отъ этого мѣста, и у нихъ замѣчается какъ будто желаніе поискать чего-нибудь получше.

Въ разстояніи 5 верстъ отъ Рождественскаго поселка къ югу находится поселокъ Михайловскій и въ 8 верстахъ отъ него, въ томъ же направленіи, поселокъ Крещенскій, подходящій уже близко къ горамъ. Оба эти поселка находятся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ землепользованія: тамъ и тутъ жалуются на неопредѣленность положенія, такъ какъ посажены оба они были комиссаромъ изъ 1/10 урожая, но условіе это только словесное и останется ли оно въ силѣ и далѣе, или, по примѣру Рождественскаго поселка, имъ будетъ объявлено о необходимости купить землю по высокой, сравнительно, цѣнѣ, они совершенно не знаютъ, почему и у нихъ замѣчается отсутствіе прочной связи съ занятымъ мѣстомъ и чувствуется та легкость, съ какою они могутъ при малѣйшемъ поводѣ подняться и пойти на поиски лучшаго.

Тутъ кстати сказать, что за очень рѣдкимъ исключе-

Поселокъ Крещенскій.

Амбулаторія Краснаго Креста въ поселкѣ Крещенскомъ.

ніемъ всѣ переселенцы въ Персію являются, въ сущности, переселенцами повторными, и нерѣдко приходится встрѣчать между ними даже типы, просто склонные къ бродяжеству, бросившіе прекрасныя мѣста, гдѣ имъ, по собственному ихъ признанію, жилось очень хорошо, только для того, чтобы искать мѣста еще лучшія. Оттѣнокъ такой склонности, болѣе или менѣе сильный, замѣчается на всѣхъ почти здѣшнихъ переселенцахъ, отчего и чувствуется въ ихъ разговорахъ отсутствіе прочной связи съ землей и способность легко съ нея подниматься.

Въ поселкѣ Крещенскомъ на-лицо въ іюлѣ было 75 душъ при 18 домохозяевахъ. Дворовъ въ немъ должно быть 50, но строилось жилье пока только 32 домохозяевами, изъ которыхъ 12 уѣхали за своими семьями. Въ Михайловскомъ же поселкѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ было 65 человѣкъ. Постройки возводились самыя легкія, въ виду именно непрочности положенія. Условія для хозяйства и въ Михайловскомъ поселкѣ благопріятны, въ Крещенскомъ же, какъ болѣе близкомъ къ горамъ, и совсѣмъ хороши, какъ это показали всходы пшеницы, кунжута и хлопка въ нынѣшнемъ году, уничтоженные, къ несчастью, какъ и въ Рождественскомъ поселкѣ, дочиста мышами; но условія эти могли бы быть еще лучше, если бы былъ поливъ, на отсутствіе котораго жалуются жители обоихъ поселковъ. Несомнѣнно, что если возможность устроиться тутъ выяснится благопріятно для переселенцевъ и они крѣпко осядутъ на землѣ, орошеніе будетъ ими устроено, полную возможность къ чему даетъ протекающая у самыхъ поселковъ рѣчка, густо заросшая кустарниками и мелкимъ лѣсомъ. Эти заросли около Крещенскаго поселка были ареной весьма печальнаго происшествія: въ нихъ исчезъ студентъ-медикъ, завѣдывавшій находившимся въ поселкѣ амбулаторнымъ пунктомъ Краснаго Креста, отправившійся прогуляться по дорогѣ, идущей по этимъ заро-

слямъ, и, несмотря на тщательнѣйшіе поиски, такъ и не разысканный. Единственное предположеніе, которое можно допустить, это то, что онъ попалъ въ лапы одного изъ бродящихъ постоянно тутъ тигровъ, которымъ и былъ унесенъ въ такія трущобы колючекъ, куда человѣку уже совершенно невозможно проникнуть. Тигровъ въ Астрабадской провинціи много и они нерѣдко подходятъ къ самымъ селеніямъ, въ Крещенскомъ же поселкѣ одно время тигръ такъ повадился приходить къ рѣчкѣ, что совершенно отбилъ у жителей охоту ходить за водой, между тѣмъ колодцы въ поселкѣ почти всѣ соленые, и имъ по необходимости все-таки приходилось съ рискомъ для жизни отправляться туда, для безопасности цѣлыми компаніями.

Верстахъ въ 10 къ юго-востоку отъ Рождественскаго поселка находится поселокъ Донской, состоявшій изъ 21 семьи съ 85 душами. Такъ же, какъ и всѣ другіе поселки въ Гумбетскомъ районѣ, Донской только что начинаетъ застраиваться, при чемъ у него условія устройства уже выяснены и приняли ту форму, которая приведена выше, такъ что поселеніе здѣсь является болѣе прочнымъ и надежнымъ, но зато въ другомъ отношеніи поселокъ этотъ поставленъ въ очень тяжелое положеніе: съ весны жители его пользовались водой изъ проведеннаго сюда арыка, такъ какъ вода во всѣхъ колодцахъ поселка соленая, а находящаяся вблизи рѣчка теченія не имѣетъ и быстро пересыхаетъ, такъ что въ руслѣ ея не остается даже намека на влагу; лѣтомъ всю воду изъ арыка разобрали вверху на рисовыя поля, и поселокъ остался такимъ образомъ совершенно безъ воды. Понятно, что при такомъ безводіи нельзя ожидать ничего хорошаго и для хозяйства поселка, которое вслѣдствіе этого обстоятельства далѣе посѣвовъ пшеницы и ячменя пойти никогда не можетъ.

Три послѣдніе поселка расположены на землѣ казачь-

Заросли по р. Кара-су (притокъ Гюргена).

яго полковника Святополкъ-Мирскаго, по словамъ котораго, а также и комиссара, поселки Крещенскій и Михайловскій посажены на тѣхъ же обычныхъ для Гумбетскаго района условіяхъ, какъ и поселокъ Донской, но жителямъ заинтересованныхъ поселковъ почему-то объ этомъ неизвѣстно и они считаютъ положеніе свое весьма неопредѣленнымъ.

Въ разстояніи около 10 верстъ къ востоку отъ поселка Донского расположенъ большой поселокъ Покровскій, въ которомъ числилось 150 семей, около 700 душъ. Домовъ въ немъ до 80, а усадебныхъ мѣстъ отведено 126. Тутъ также слышатся жалобы на тяжелыя условія: съ одной стороны, указываютъ на неопредѣленность положенія, съ другой—на невозможность веденія хозяйства. Первыя жалобы опять же не совсѣмъ понятны, такъ какъ поселокъ этотъ устроенъ на туркменской землѣ, на туркменскихъ же земляхъ, по словамъ комиссара, условія для всѣхъ переселенцевъ одинаковы и совершенно опредѣленныя. Надо сказать, что переселенцы этого поселка, и еще Молоканскаго, твердо и искренно убѣждены, что земли эти не туркменскія, а куплены давно уже комиссаромъ, несмотря даже на то, что сами они торговали ихъ у туркменскаго Кличъ-хана. Кличъ-ханъ этотъ въ комиссарскомъ районѣ играетъ такую же роль, какъ шейхъ Мамедъ-Багиръ въ консульскомъ; также онъ является распорядителемъ многихъ туркменскихъ земель, также безъ его участія не можетъ быть совершена ни одна сдѣлка и также онъ переноситъ всѣ недоумѣнія и несогласія на рѣшеніе комиссара. Въ Іюлѣ покровцы упорно торговались по всей формѣ съ туркменами и выясняли условія, на которыхъ тѣ могли бы имъ отдать занятыя уже покровцами и даже застроенныя земли; туркмены совсѣмъ отказывались продавать землю, а предлагали ее сдать только въ аренду, а покровцы, наоборотъ, отказы-

вались отъ аренды и настаивали именно на продажѣ; споръ этотъ, оставшійся, несмотря на очень продолжительное время, неоконченнымъ, въ концѣ концовъ былъ переданъ обѣими сторонами на разрѣшеніе комиссару, который и приказалъ туркменамъ согласиться на обычныя условія, а покровцамъ идти домой и считать себя на этихъ условіяхъ совершенно крѣпко устроенными. Сдѣлка эта болѣе ничѣмъ оформлена не была, отчего, вѣроятно, покровцы и продолжали жаловаться на неопредѣленность положенія даже послѣ этого разрѣшенія спора. Другія жалобы покровцевъ болѣе основательны: они указываютъ, что безъ полива тутъ невозможно вести хозяйство, такъ какъ только хлѣбъ выходитъ хорошо, изъ попытокъ же сѣять хлопокъ ничего не вышло, а также и на огородахъ безъ полива все пропало, между тѣмъ орошенія нѣтъ и даже весьма сомнительно, что со временемъ возможно будетъ его устроить. Кромѣ этого, покровцы жалуются на то, что въ ихъ селеніи чрезвычайно много заболѣваній лихорадками; и дѣйствительно, по обслѣдованію Краснаго Креста, жители поселка Покровскаго почти поголовно заражены маляріей, при чемъ 35% всѣхъ больныхъ страдаютъ самой ужасной ея формой—тропической.

Совершенно въ такомъ же положеніи находится расположенный къ сѣверу отъ поселка Покровскаго, верстахъ въ 5, поселокъ Молоканскій или „Лавровка“, съ тою только разницею, что въ немъ условія владѣнія выяснены и закрѣплены. Въ іюлѣ было въ немъ на-лицо 37 семей, около 150 душъ, домовъ же только 20, да и тѣ перестраиваются, такъ какъ первоначальное расположеніе усадебъ оказалось неудобнымъ. Земля указана была Клычъ-ханомъ и комиссаромъ, сперва на неопредѣленныхъ условіяхъ, потомъ положеніе выяснилось, и Лавровцы считаютъ себя прочно укрѣпившимися, но весьма съ большимъ сомнѣніемъ относятся къ возможности вести здѣсь хозяйство, такъ какъ

безъ полива ничего не идетъ, а поливъ устроить не позволяетъ незначительность протекающей у поселка рѣчки Кара-су. Въ настоящемъ году урожай былъ такъ плохъ, что съ иныхъ десятинъ собрали хлѣба не болѣе 5 пудовъ. Колодцы въ поселкѣ хотя и съ хорошей водой и всего саженной глубины, но достаточнаго количества воды для

Домъ русскаго переселенца въ поселкѣ Лавровкѣ.

орошенія дать не могутъ. Къ тому же населеніе не менѣе страдаетъ отъ маляріи, чѣмъ и покровцы. Отъ этого поселка до Гумбета только 8 верстъ.

Въ 18 верстахъ отъ Гумбета, уже въ самыхъ предгорьяхъ, есть еще одинъ поселокъ подъ названіемъ „Хундузъ“ на землѣ Святополкъ-Мирскаго, состоящій изъ 26 семей, около 85 душъ.

Кромѣ этихъ поселковъ верстахъ въ 10 къ югу отъ Гумбета расположено нѣсколько хуторовъ, на которыхъ въ общей сложности живетъ около 25 душъ; какъ самое устройство ихъ, такъ и вся постановка хуторскихъ хозяйствъ производятъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе.

Хуторъ Мануйлова около Гумбета.

Такимъ образомъ, во всемъ районѣ Гумбета русскихъ переселенцевъ около 1850, считая, что въ самомъ Гумбетѣ ихъ около 600, и нѣмцевъ около 110, а всего въ сѣверной Персіи русскихъ переселенцевъ около 2550 и нѣмцевъ около 260. Если изъ этого числа исключить элементъ неустойчивый, который можетъ одинаково и быть въ настоящее время въ Персіи и не быть, то окажется, что русскихъ переселенцевъ, въ настоящемъ значеніи этого

слова, которые только и могутъ оказать вліяніе на колонизацію этого района, находится въ Персіи всего около двухъ съ половиною тысячъ.

Не меньшее вліяніе на колонизацію оказывается, конечно, и тѣми крупными хозяйствами, которыя ведутся здѣсь нѣсколькими предпринимательскими товариществами; такихъ товариществъ работаетъ въ Астрабадской провинціи 4. Красноводское земледѣльческое товарищество, членами котораго состоятъ — техникъ, завѣдующій въ Красноводскѣ городскими опрѣснителями, Красноводскій городской голова, бывшій учитель и австрійскій офицеръ. Товарищество это заарендовало землю въ степи, въ 20 верстахъ отъ Астрабада, у развалинъ крѣпости Ахъ-кала, въ количествѣ 1200 десятинъ, на 40 лѣтъ и устроило тамъ хуторъ, причемъ ставитъ все свое хозяйство на очень широкую ногу, какъ по количеству предполагаемыхъ къ распашкѣ площадей, такъ и по тѣмъ усовершенствованнымъ способамъ, которыми они предполагаютъ обрабатывать землю; пока все дѣло находится еще въ первоначальной стадіи, но уже и сейчасъ замѣтно сказывается очень большое неудобство этой аренды, заключающееся въ недостаткѣ воды въ лѣтнее время. Недалеко отъ поселка Саратовскаго отдѣленный отъ него большими болотами, остатками древнихъ водохранилищъ, находится хуторъ товарищества изъ уѣзднаго начальника Закаспійской области Бялоновича и астраханскаго купца Дубскаго, купившихъ землю все у того же Багиръ-хана въ количествѣ 3.000 десятинъ въ Кемальханѣ; здѣсь ведется хозяйство уже на полномъ ходу, помощью персидскихъ и русскихъ рабочихъ, въ очень широкихъ размѣрахъ, съ большими площадями, занятыми хлопкомъ. Совсѣмъ близко отъ этого хутора, строилась въ іюлѣ большая усадьба Рижскаго земледѣльческаго товарищества, состоящаго изъ нѣсколькихъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, съ большимъ капиталомъ; это хозяйство еще только начи-

нается, но конечно поведутъ его нѣмцы лучше всѣхъ остальныхъ. Землю они переарендовали, въ количествѣ 3.000 дес., у Товарищества земледѣлія, называемаго Армянскимъ, такъ какъ въ составъ его входятъ вмѣстѣ съ русскими чиновниками и офицерами 11 армянъ съ Кавказа. Хуторъ этого товарищества находится недалеко отъ нѣмецкой усадьбы. Имъ заарендована земля у Багиръ-хана, въ количествѣ 12.600 десятинъ на 50 лѣтъ и изъ этой площади 3.000 десятинъ уступлено нѣмецкому товариществу, причемъ условія первоначальной аренды и этой уступки таковы, что армянскому товариществу не только не приходится платить арендной платы, но оно еще получаетъ барыши. Въ настоящее время ихъ хозяйство самое крупное и ведется довольно хорошо, но развитію его сильно мѣшаетъ недостатокъ у товарищества оборотнаго капитала. Къ этому же разряду слѣдуетъ причислить и имѣніе консула „Бабагульме“ въ которомъ онъ ведетъ крупное и культурное хозяйство помощью русскихъ и персидскихъ рабочихъ.

Насколько всѣ эти поселки и хутора представляютъ собою положительную сторону развитія колонизаціи сѣверной Персіи русскимъ элементомъ, настолько же отрицательной его стороной являются всѣ спекулятивныя пріобрѣтенія крупныхъ земель разными предпринимателями, составъ которыхъ очень разнообразенъ; тутъ можно встрѣтить и неопредѣленныхъ дѣльцовъ, адвокатовъ, мелкихъ чиновниковъ, офицеровъ, генераловъ и даже должностныхъ лицъ. Пріобрѣтаются ими земли только для барышей и пока крѣпко придерживаются въ рукахъ, такъ какъ окончательные размѣры этихъ барышей еще не опредѣлились, но вмѣстѣ съ тѣмъ ими предпринимаются и очень опредѣленные шаги къ тому, чтобы нажить какъ можно болѣе. Именно въ этомъ направленіи и дѣйствуютъ тайные и явные владѣльцы крупныхъ земель, среди которыхъ есть лица, обладающіе и значеніемъ и протекціей, умышленно

раздувая размѣры персидскаго переселенія и убѣждая правительство въ необходимости скупать персидскія земли для распредѣленія ихъ между переселенцами. При этомъ, прикрываясь щитомъ разсужденій о государственной важности русской колонизаціи въ сѣверной Персіи и указывая на невозможность пріобрѣтенія земли переселенцами вслѣдствіе запутанности земельныхъ отношеній, какъ на причину необходимости скупки земель правительствомъ, они совершенно нелогично забываютъ о томъ, что запутанность эта для всѣхъ одинакова и что правительство, скупая земли, очутится въ томъ же положеніи относительно прочности своихъ покупокъ, какъ и тотъ самый переселенецъ, затруднительное положеніе котораго, по ихъ словамъ, оставляетъ правительству единственный выходъ изъ положенія — скупку персидскихъ земель.

Таковы собранныя авторомъ этого очерка на мѣстѣ данныя объ Астрабадской провинціи и о положеніи осѣвшихъ въ ней русскихъ переселенцевъ. Послѣднихъ теперь еще немного и они представляютъ собою пока только жалкія и разрозненныя кучки піонеровъ освоенія персидскихъ земель русскимъ народомъ, но надо предвидѣть, что исконное его стремленіе—колонизовать прилегающія къ его территоріи пространства—и тутъ не отступитъ отъ обычнаго своего теченія и заставитъ русскій народъ направить сюда новые кадры засельщиковъ, которые все крѣпче и все глубже будутъ занимать тѣ земли, куда ихъ направилъ здоровый инстинктъ, пока не создастся здѣсь такая же окраина Руси, какихъ уже много образовалось такимъ же путемъ на протяженіи ея многовѣковой жизни.

Какъ море во время прилива, начавъ свое неотвратимое и неизбѣжное наступленіе на берегъ, посылаетъ на него сначала только первыя отдѣльныя волны, отбѣгающія сейчасъ же обратно, оставивъ на немъ куски своей пѣны,— такъ и русское переселеніе, направившееся нынѣ стихійно и неотразимо въ Персію, послало на нее пока только первую свою приливную волну. Тотъ русскій элементъ, который осѣлъ одинаково и въ безплодныхъ степяхъ и на богатѣйшихъ земляхъ сѣверной Персіи, есть именно остатокъ этой первой волны, отхлынувшей съ тѣмъ, чтобы новыя волны съ новой силой, медленно, но вѣрно захватывали береговую полосу все болѣе и болѣе, пока не покроютъ ее совсѣмъ. Эти повторныя волны также отхлынутъ, но остатки ихъ наступленія, соединясь вмѣстѣ, будутъ все крѣпнуть и расти и образуютъ тѣ озера въ пустынѣ, которыя отъ повторныхъ приливовъ будутъ все болѣе и болѣе увеличиваться въ своихъ размѣрахъ и оживлять дремлющій край. Таково будетъ естественное теченіе русскаго переселенія въ Персію, если оно будетъ предоставлено самому себѣ.

Но въ данномъ случаѣ этотъ путь, которымъ колонизовались почти всѣ наши окраины, не можетъ быть избранъ потому, что между освоеніемъ русскими сѣверной Персіи и обычнымъ историческимъ образованіемъ русскихъ окраинъ имѣется существенное различіе: тѣ—прежде колонизовались и затѣмъ уже пріобрѣтали государственное значеніе, вопросъ же о заселеніи прибрежной полосы сѣверной Персіи имѣетъ и имѣлъ таковое значеніе гораздо раньше, чѣмъ началась ея колонизація русскими. Дѣло въ томъ, что сѣверное побережье Персіи, по своимъ природнымъ условіямъ, почти одинаковымъ на всемъ его протяженіи, представляетъ собою край, сулящій громадныя возможности въ будущемъ, но пока полный нетронутыхъ богатствъ. Ихъ использованіе, въ частности возможность созданія здѣсь крупнаго постав-

щика для смежныхъ русскихъ районовъ пшеницы и, частью, хлопка, — имѣетъ для Россіи существенно важное значеніе. Достигнуто же это можетъ быть только путемъ заселенія всего Каспійскаго побережья русскими, единственно которые способны, при данныхъ условіяхъ, обратить пустующія нынѣ земли въ культурныя, развѣдать и разработать совершенно неизвѣстныя даже намъ теперь ископаемыя богатства горныхъ хребтовъ, непрерывною цѣпью замыкающихъ пригодныя подъ земледѣліе земли, измѣнить сложившіяся условія персидской жизни, полныя непорядковъ и неопредѣленностей, и поднять общій уровень сельско-хозяйственной жизни туземнаго населенія.

Отсюда ясно, что русскому переселенію нельзя предоставить развиваться здѣсь далѣе только естественнымъ путемъ, при которомъ окончательнаго результата начавшагося заселенія можно ожидать лишь въ весьма отдаленномъ будущемъ. Необходимо энергично придти ему на помощь и оказать содѣйствіе тѣми мѣрами, какія в ъ д а н н ы й м о м е н т ъ окажутся наиболѣе приближающими къ поставленной цѣли. До сихъ поръ содѣйствіе русскому переселенію по необходимости выражалось почти исключительно въ оказаніи помощи отдѣльнымъ переселенцамъ,—рѣдко поселкамъ, не выливаясь въ форму какихъ либо общихъ мѣропріятій, чему естественнымъ препятствіемъ являлась невозможность проведенія таковыхъ въ чужой странѣ; лишь въ самое послѣднее время нѣкоторые виды этой помощи, преслѣдующіе цѣль укрѣпленія переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, организація медицинской помощи, устройство дорогъ, постройка церквей и школъ, главнымъ же образомъ, выдача ссудъ переселенцамъ на хозяйственное устройство и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на продовольствіе,—ставятся на болѣе прочныя и широкія основанія.

Но этого все-же мало т е п е р ь при данныхъ условіяхъ и при открывающихся нынѣ, въ связи съ войною, новыхъ

политическихъ перспективахъ. Предотвратить паденіе культуры мѣстнаго населенія и содѣйствовать общему здѣсь прогрессу, а также повліять на измѣненіе существующихъ условій и порядковъ въ сѣверной Персіи, можетъ, какъ выше сказано, только русская ея колонизація. Но, при всемъ томъ слѣдуетъ отчетливо помнить, что стремленіе къ лучшему будетъ все-же совершенно безрезультатнымъ до тѣхъ поръ, пока въ сѣверной Персіи не будутъ хозяевами тѣ, кто дѣйствительно заинтересованъ въ использованіи богатствъ края и его развитіи. Отсюда вытекаетъ и конечный выводъ:— для того, чтобы измѣнить условія и порядки, задерживающіе въ настоящее время развитіе русскаго переселенія въ сѣверную Персію, которое только одно можетъ дать Россіи возможность использовать всѣ ея богатства, необходимо, чтобы здѣсь крѣпко стала Россія.

Екатерининская типографія, Звенигородская ул., с. д., 30.